

Юлия Маркова
Александр Михайловский

БЕЛЫЙ ТИГР

18+

Юлия Маркова

Белый тигр

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Маркова Ю. В.

Белый тигр / Ю. В. Маркова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5321-0240-8

Планета Склавения. Извечное противостояние Леса и Степи...Он должен был убить ее. Она пришла с войной на его землю, чтобы сеять смерть и разорение. Но, наделенный особым благословением богов, он поступил вопреки тому, что диктовал ему долг предводителя... Что приобретет светловолосый князь взамен своей свободы? Чем расплатится степная воительница за великодушие врага?Сны, предчувствия, порывы и влечения - как же сложно все у этих смертных в представлении тех всемогущих существ, которые, незаметно дергая за ниточки, манипулируют целыми народами и отдельными людьми...Вбоквел к роману "Рывок к звездам".

ISBN 978-5-5321-0240-8

© Маркова Ю. В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава I. Рождение княжеского сына. Пророчество лесной ведуньи	5
Глава II. Дочь степей	8
Глава III. Отрочество Чайана. Испытание в лесу. Пробуждение способностей. Нападение дикого зверя	10
Глава IV. Выздоровление. Разговоры с ведуньей. Чайану удается приручить диких зверенышей	19
Глава V. Возвращение из леса. Окончание обряда Посвящения. Чайана, согласно обычаю, нарекают другим именем. Ночь, костер, новопосвященные выбирают себе пару. Влюбленная девушка уводит юного княжича в луга	24
Глава VI. Юность Альбизар. Советник архуна лелеет мечту сделать Альбизар своей женой. Смерть старого архуна	30
Глава VII. Старый князь Имаш замечает необычные способности своего сына. Беяна страдает по княжичу	34
Глава VIII. Альбизар становится архуншей и решает принять посвящение в воины, чтобы избежать замужества и приобрести авторитет в своем клане. Ину-Бех готовит подлость, но Альбизар удается избежать опасности. Гиуры готовят набег на венедские земли	38
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Глава I. Рождение княжеского сына. Пророчество лесной ведуньи

Промозглое осеннее утро тусклой серой дымкой лениво выползло из-за горизонта. Над поселением неровными волокнами стелился туман, оставляя на земле белесый налет инея. Голые ветви деревьев скорбно дрожали от пронизывающей сырости; темные бревенчатые избы напоминали печальных нахохлившихся воробьев.

Мрак не желал уступить рассвету, стараясь до последнего удержать свои позиции. Хмурое бессильное утро с равнодушным упорством пыталось вступить в свои права, словно больной, которого заставили исполнять свою службу.

Поселение просыпалось. Люди, привыкшие вставать засветло, готовились заниматься своими повседневными делами.

Внезапно тишину нарушил крик. Он был исполнен боли и страдания. Приглушенный бревенчатыми стенами, он доносился из терема, расположенного на холме. Так обычно кричат роженицы. Но в этом крике слышалась не просто мука рождающейся жизни. Нет; он леденил кровь тоской и безысходностью – казалось, мать уже заранее прощается и со своим дитем, и с этим миром. Кровь стыла в жилах у слышавших его, и люди принимались шевелить губами, вознося молитвы своему богу, чтобы унять беспокойство сердца и успокоить растревоженную душу.

– Мурава рожает... – шептались в домах.

– Ох, тяжело ей... Ведь немолода уже... тридцать четыре годочка минуло...

– Разродилась бы теперь... Носила-то тяжело... Исхудала, почернела, силушки-то все ребеночек повытянул...

– Может, и обойдется... Кто знает... Сие только Яхору ведомо...

– Ох, жалко княгинюшку нашу добрую...

Женщины, с глазами, полными тревоги и участия, качали головами, мужчины хмурились; судьба роженицы никого не оставляла равнодушным.

Крики то и дело оглашали поселок, сбиваясь в глухие стоны. И люди каждый раз вздрагивали и прислушивались, мысленно желая доброго исхода тому, что творилось за стенами княжеского терема.

Наконец наступила тишина. Люди остановили свои дела и замерли в ожидании вестей; каждый в душе надеялся, что все обошлось благополучно. Но что-то такое витало в самом воздухе, что навевало печаль, убивало надежду. Внезапно начался ветер. Он налетал какими-то злыми порывами, терзая деревья и вырывая из-под крыш пучки соломы. И где-то далеко, в поле, громко закаркала ворона, словно возвещая о том, что для кого-то настал конец жизненного пути...

– Умерла... Княгиня умерла... – горестным шепотом пронеслось по селу.

– Жаль добрую госпожу... Пусть упокоит ее великая Шана...

– А ребенок? Что с ребенком?

– Сказывают, жив. Мальчик...

– Благослови его Яхор... – неслись облегченные вздохи, – Имаш воспитает из него настоящего князя...

* * *

Князь Имаш держал на руках своего новорожденного сына, завернутого в льняные пеленки. Сердце отца наполнялось нежностью к маленькому существу, его родной кровиночке.

Он рассматривал ребенка, и на глазах сурового воина выступали слезы счастья и умиления, и в то же время его душу разрывала горькая печаль, ведь там, в соседней комнате, лежало мертвое тело его супруги – горячо любимой, прошедшей вместе с ним все радости и горести совместной жизни. Мурава была ему хорошей женой. Она успела подарить мужу двух дочерей – сейчас им было семнадцать и пятнадцать лет – обе на выданье. Тридцативосьмилетний князь уж было думал, что не суждено ему больше иметь детей – и это печалило его душу, ведь он мечтал о сыне, которому мог бы передать свои знания и умения. С грустью и тайной завистью смотрел он, бывало, на других отцов, которым повезло учить своих сыновей всему, что должен уметь мужчина. И каждый день Имаш без устали возносил молитвы Роду, прося послать ему наследника. Он продолжал надеяться даже тогда, когда жена мягко просила его смириться с волею богов. «Стара я уж, – говорила она, – ты прости меня, мой князь, что сыном тебя не одарила. Но поздно уж мне, видать, бременем отягощаться...»

Но вот однажды в их краях появилась она – Вея, или Вейница. Она взялась невесть откуда и поселилась в лесу, в заброшенной избушке. Люди быстро протоптали тропку к ее уединенному жилищу, и очень скоро слава о ней разнеслась по округе, как о великой травнице, знахарке и ведунье. Многим оказала она добрую услугу в делах их и чаяниях, любые затруднения с легкостью она разрешала. И решил тогда князь тоже навестить отшельницу в надежде на помощь ее. Взял он с собой дары богатые, сел на коня и отправился в лес. Помнил он, что люди сказывали – являться к ведунье следует в одиночку, иначе даже в дом не пустит.

Дверь открыла худая старуха с пронзительно-голубыми, совсем молодыми глазами. Приняла она князя. Провела обряд свой – повеяла муку с крыльца с нашептываниями – и сказала, чтоб не волновался он боле, будет у него наследник, ребенок мужеского полу, что в эту же ночь понесет супруга его. «Да только с прибытком будет тебе и потеря, – загадочно добавила ведунья, – но уж не изменишь ты волю богов. Чему быть написано – то сбудется...»

Не обратил тогда обрадованный князь большого внимания на те слова. Одарил он старуху, поклонился ей в пояс со всей благодарностью и, окрыленный, лицом просветлевший, возвратился в терем свой...

И теперь, глядя на младенца, припомнил князь вещие слова ведуньи о прибытке и потере. Понял он теперь, о чем говорила старуха – и с новой силой навалилась тоска о потерянной супруге. Никогда теперь не посмотрит он в ее глаза ясные, не увидит улыбку ее кроткую, не приласкает на ложе своем... Но разве мог он как-то предотвратить это? Ведь сказало тогда ведунья, что нельзя изменить то, чему быть предназначено...

С великою любовью и нежностью, с родительским трепетом смотрел князь на белокожего младенца, сладко посапывающего у него в руках. Бережно, едва касаясь, провел он пальцем по золотистым кудрям, что пышным ореолом обрамляли голову мальчика. Мысленно князь попросил прощения у сына за то, что не смог уберечь его мать от злого промысла судьбы. Но помнил он, что супруга его отошла в мир иной упокоенная, зная, что сполна исполнила долг свой перед мужем – родила ему замечательного, здорового ребенка, долгожданного сыночка. Она лишь успела прикоснуться холодеющими губами к светлой головушке новорожденного – и ушла с умиротворенной улыбкой на устах. И сейчас князь остро ощущал, что душа любимой жены здесь, рядом.

В соседней комнате суетились женщины, готовя тело умершей к огненному погребению. Теперь праху княгини суждено было покоиться в высокой домовине, что стала последним приютом для всех предков княжеского рода...

Имаш вздрогнул, когда кто-то прикоснулся к его плечу. Обернувшись, он узрел Вейницу. По обычаю, в тот дом, где случился покойник, можно было заходить без приглашения.

– Здравствуй, князь. Поговорить с тобой надо... – Старуха смотрела пристально, словно знала что-то важное.

Люди уважали и побаивались ведуний. Ведь им было открыто то, что являлось для остальных загадкой. Они вели уединенную, скрытую ото всех жизнь, и существование их было окружено мистическим ореолом. Как правило, никто никогда не знал их имен. Им давали прозвище, которое в дальнейшем и заменяло имя. Вейницу прозвали так за ее способ ворожбы. Она сеяла муку по ветру и, глядя на белые завихрения, изрекала свои пророчества.

– Здравствуй, Вейница, – поклонился князь, привставая с ребенком на руках. – Несмотря на скорбь мою о возлюбленной супруге, я готов выслушать тебя. Вижу, что правду ты мне сказала, когда пришел я к тебе с печалию своей. Да только не внял я словам твоим как след – и потерял Муравушку свою... Говори же сейчас – внимать буду всему, что речь ты изволишь...

Ведунья кивнула и, убедившись, что в горнице больше никого нет, стала говорить. Тихо звучал ее голос с певучим говором, и все больше и больше дивился князь словам старухи.

– С самого начала, с самого прихода твоего девять месяцев назад, знала я, что великая судьба ждет сына твоего еще не зачатого... И ныне открылось мне, что свершилось предназначение, и супруга твоя воссоединилась с предками, прежде дав жизнь тому, кто прославится делами великими, славными... И поспешила я к тебе, князь, предостеречь от поступков опрометчивых, от суждений неверных, что сына твоего коснуться могут. А ребенок этот, младенец, что сейчас прижимаешь ты к сердцу своему, уже обладает неким Даром, посланным ему богами... Сможет он слышать то, что другие не могут, и видеть то, чего другие не узреют. Дано ему будет проникать в тайны сущего и постигать законы неведомого... Но нельзя набрасывать узду на свободный разум его. Он будет расти, мужать, и дух его окрепнет, летая свободно. Пусть не смущают тебя речи его странные, поступки необъяснимые – все это будет проистекать оттого, что ведет его по жизни великое Предназначение, дающее ему способность заглянуть за грани нашего мира... Ждут его испытания, опасности, боль, потери – но окрепнет дух его и закалится; станет он твердым и негибачимым, и никто не сможет сломить его... А еще вот что я скажу тебе, князь... – глаза старухи вспыхнули колдовским огнем, – суждено сыну твоему влить в жилы народа вашего чужую кровь... Как раз сейчас, в этот момент, где-то далеко отсюда, свершилось то, что определит выбор твоего сына, когда он достигнет зрелости...

Старуха замерла, словно к чему-то прислушиваясь. В этот момент ветер громко хлопнул ставней, и ребенок на руках князя беспокойно зашевелился.

– Слышишь? Ветер... – произнесла ведунья, подняв кверху сухой крючковатый палец. – Не мешай тем вольным ветрам, что когда-нибудь будут веять над жизненной дорогой твоего сына... Ты все равно не в силах будешь их преодолеть. Дай им дуть привольно...

Князь слушал эти речи с мистическим трепетом, прижимая к себе теплый родной комочек. А ребенок улыбался во сне и чмокал губами – он еще ничего не понимал, и не догадывался о том бремени ответственности, которое прочили ему слова ведуньи. Все, что ему нужно было сейчас – это ласка и забота, любовь, тепло и материнское молоко...

Когда Вейница наконец ушла, князь вздохнул и велел искать кормилицу.

* * *

По прошествии сорока дней для ребенка провели обряд наречения и нарекли его Чайном, в честь оправдавшихся надежд отца. Через четырнадцать лет, став мужчиной, мальчику предстояло сменить имя, пройдя обряд нового рождения.

Глава II. Дочь степей

Далеко на востоке, там, где кончались леса и начинались бескрайние степи, жили племена гиуров – смуглых и раскосых воинственных кочевников. Жили они кланами, над каждым из которых предводительствовал архун – один из отпрысков главенствующего аристократического рода. Главой клана мог быть как мужчина, так и женщина – но только тогда, когда она являлась незамужней дочерью архуна, и в том случае, если родители ее умерли, не оставив сыновей-наследников. Как правило, в таких случаях клан совсем ненадолго оставался под управлением женщины, так как ее стремились поскорее выдать замуж, и тогда бразды правления полностью переходили в руки мужа. Когда истощались окрестные угодья, гиуры собирали свои шатры и отправлялись на поиски нового места для стойбища, гоня впереди свои многочисленные стада.

Плодородные земли светловолосых венедов, раскинувшиеся на западе, представляли лакомый кусочек для гиуров. О кочевниках ходили страшные истории, и эти рассказы имели под собой весомое основание. Обитатели степей отличались воинственностью и наглостью, время от времени нападая на поселения венедов, грабя и сжигая их, убивая всех, кто оказывал сопротивление. Белокурых и светлоглазых венедских женщин они угоняли в свои земли и часто делали из них своих наложниц. Этот разбойный промысел приносил гиурам существенную прибыль. Добытым добром и плененными женщинами они торговали с соседними кланами и племенами.

Чтобы защититься от набегов, венеды стали укреплять свои поселения и усиливать оборонительную мощь. Их воины были сильны и отважны, с детства в мальчиках воспитывалась сила духа, выдержка и чувство товарищества. Венедам была не свойственна подлость и кровожадность. Жили они меж собою мирно, возделывали свои жирные земли, занимались скотоводством. К гостям и торговцам из других племен относились со всей дружелюбностью и гостеприимством. Но если возникала опасность, стеной вставали они на защиту своих земель. Однако не всегда разрозненные поселения могли оказать степным воинам достойное сопротивление, так как нападали те, как правило, внезапно, и были многочисленны и свирепы.

* * *

В тот день, когда на свет появился княжеский сын, далеко-далеко от венедского поселения произошли следующие события. В одно из становищ прибыли гости из соседнего клана, чтобы засватать дочь архуна за единственного сына своего предводителя. Юной принцессе на тот момент было всего одиннадцать лет, но тем не менее договор о будущем браке был заключен – сваты разломали хлеб и закрепили свой уговор вознесением молитв Великому Оудэ. Через три года, когда невеста достигнет брачного возраста, ей предстояло выйти замуж за сына предводителя очень богатого западного клана и покинуть родительский дом.

Так все и произошло. А еще через год Муригун родила девочку – красивую и белокожую, здоровенькую и крепкую, которую нарекли нежным именем Альбизар – что означает «подобная солнечному лучу».

Девочка росла на степном приволье, заботливо пестуемая своими родителями. Все любили красивую и умненькую малышку, стараясь приласкать и побаловать. А она обладала крайне независимым характером, отчего старики цокали языком и неодобрительно качали головами. Альбизар испытывала мало интереса к традиционным женским занятиям – таким как прядение, ткачество, вышивание. Гораздо больше ее привлекали занятия мужские; ведь это так интересно – стрелять из лука, махать мечом и охотиться! Когда девочке исполнилось

девять лет, родители подарили ей прекрасного белого коня. И с тех пор больше всего на свете полюбила Альбизар конные прогулки по степи – мчалась она, словно ветер, звонкими криками подзадоривая своего верного скакуна. И летели за спиной ее длинные черные косы, и свистел ветер в ушах, и копыта Аричака выбивали ритм, который будоражил душу маленькой принцессы, навевая мысли о том, как велики просторы матери-земли и как много интересного и неизведанного в подлунном мире... И замирало сердце от непонятого, ускользающего, радостно-тревожного предчувствия чего-то необычного, что обязательно произойдет с ней когда-нибудь и изменит привычный устоявшийся уклад... А может быть, даже разобьет все вдребезги – ведь так непредсказуема воля богов! – и откроет нечто неведомое доселе, но прекрасное и великое, ради которого и послал Пресветлый Оудэ душу ее в этот мир...

Но гиурский бог не позаботился о братьях и сестрах для Альбизар. Ни жена, и ни одна из наложниц не понесла больше от молодого архуна. Пришлось обратиться к шабину – тот потряс своим бубном, перебрал четки, пошептал что-то, вознеся глаза к нему – и сказал, что неуютно божествам Верхнего Мира увеличивать архунское семейство. Пришлось смириться... Но пуще прежнего стали лелеять и баловать родители свою единственную дочку.

А принцесса росла и красота ее расцветала. Говорили, что Великая Мадруми одарила девочку всеми божественными достоинствами. И наконец пришла пора подумать о ее будущем. Поскольку Альбизар была единственным ребенком правящего рода, жених ей требовался такой, чтобы мог остаться в ее становище, а это едва ли представлялось возможным – пришлых мужчин в кланах не особо признавали. Был и еще один вариант, более вероятный – найти достойную партию внутри клана.

Однажды отец Альбизар отправился вместе с воинами в далекий поход в венецкие земли и не вернулся... Вскоре тяжело заболела Муригун, и холодным зимним днем, когда в степи завывала выюга, она покинула этот бранный мир... В тринадцать лет Альбизар осталась сиротой, поклявшись себе, что никогда не выйдет замуж, а вместо того посвятит жизнь своему клану, стараясь упрочить его позиции и увеличить благосостояние.

Глава III. Отрочество Чайна. Испытание в лесу. Пробуждение способностей. Нападение дикого зверя

Юный княжич подрастал. Отец не уставал возносить благодарственные молитвы богам, славя их за то, что на склоне лет послали ему такого прекрасного отпрыска – надежду, опору и утешение родительского сердца. О лучшем сыне он не мог и мечтать. Мальчик с самого раннего детства отличался храбростью и смекалкой, силой и ловкостью. Кроме того, был он добр и великодушен, его рассудительность порой приводила в замешательство даже стариков.

А еще наградили боги княжьего сына крепким здоровьем и необычайной красотой. Когда вступил он в период возмужания, то быстро стал расти, обогнав на полголовы всех своих сверстников, и окрепли мышцы его, и появилась в нем стать и осанка молодого мужчины, что привык закалять тело свое в игрищах и состязаниях. Его волосы, перехваченные начельем, крупными кудрями падали на плечи; казалось, в них запутались золотые солнечные лучи. Глаза его, в которых ясная небесная синь соперничала с теплым сиянием полевых васильков, смотрели на мир с доброжелательным интересом и задорной юношеской пылкостью. Лицо отрока только начало приобретать черты возмужания, и в нем сквозила как раз та юношеская чистота, что сродни одухотворенности, и которая потом, по достижении зрелости, сменяется у мальчиков выражением суровой и благородной мужественности.

Видимо, действительно был княжеский сын любимцем богов, и предназначали они для него особенную долю. Тем не менее не зазнавался юный княжич, не гордился перед соплеменниками красотой своей и удачью. Наоборот, всегда держался он скромно, был почтителен к старшим и смирен перед волею богов.

К четырнадцати годам он овладел всеми премудростями, что делают из мужчины воина и защитника. Легко побивал он соперников в честных поединках, лихо скакал на коне, метко стрелял из лука, и меч уже не был слишком тяжел для его руки... А это означало, что пришла пора для Посвящения. Таинству предстояло свершиться летом, когда небеса редко омрачаются тучами, вода в реке теплеет, а зеленые леса дышат прохладой.

Принять Посвящение готовились несколько юношей. Первый этап должен был состояться за месяц до главной церемонии. Он включал в себя разного рода состязания, где мальчикам предстояло показать свои навыки в искусстве боя, продемонстрировать смекалку и быстроту реакции. Как правило, большинство проходило эту ступень; тем же, кто не справлялся (как правило, это были один или два человека), на следующий год опять предоставлялся шанс преодолеть этот этап, чтобы перейти к следующему.

После состязаний начиналась подготовка к главному. На мальчиков накладывался «немо-вей» – в течение месяца им запрещалось разговаривать с кем бы то ни было, а также придерживаться строгого поста – запрещалось есть пищу животного происхождения. Каждый день предписывалось ходить к Храму, молиться Яхору и получать духовные наставления от эхта (священнослужителя). Все это должно было укрепить дух посвящаемых и подготовить его к заключительному этапу и последующему перерождению. И уже затем их ждало главное, самое тяжелое и опасное испытание. Юношей изгоняли из поселения в лес, где каждый должен был прожить в одиночестве три седмицы. Не просто прожить. Требовалось построить жилище и вступить в поединок с опасным зверем, чтобы шкуру его затем продемонстрировать всему поселению. Естественно, пропитание посвящаемый должен был добывать себе сам. Исполнение этого этапа контролировалось опытными охотниками-следопытами, которые, стараясь оставаться незамеченными, раз в несколько дней навещали те места, в которых нашли временное обиталище проходящие испытание отроки.

Начальные испытания состоялись в начале июня, в один из безоблачных теплых дней. Все селяне собрались на открытом месте, где, по традиции, уже множество поколений проводились подобные ристалища. Величественный эхт в красных одеждах, с развевающимися белыми космами, обошел поляну по кругу, вознося хвалу богам и прося их благословить это место, предстоящие состязания и их участников. Юноши, которые готовились принять Посвящение, были возбуждены. Румяные, с горящими щеками, они нетерпеливо переминались, словно застоявшиеся молодые жеребцы. Они перешучивались между собой, подзадоривая и приободряя друг друга.

Юный княжич старался не показывать своего волнения, но сердце его учащенно билось, и он чувствовал, как бежит по жилам горячая кровь, как клокочет и бурлит в нем удаль молодецкая в предвкушении предстоящего испытания. Плечом к плечу стоял он со своими сверстниками, и всего было их десять человек – тех, кому предстояло стать мужчинами. Чайн выделялся среди них своим могучим ростом и широкими плечами; хоть и тело его еще сохраняло свойственную юношам легкость, но все ж казался он чуть старше своих лет. И сердце отпакнязя ликовало при взгляде на любимого отпрыска, украдкой улыбался он в бороду, пряча лучащийся гордостью взгляд. «Вот ведь вырос детинушка – и лицом пригож, и душою чист, настоящий Светлый Воин земли нашей... Такой славен будет непременно – и рать за собою поведет, и ворогов лютых разобьет... Храните, боги, сына моего! От соблазнов, от зависти черной, от кручины горькой, от предательства подлого... Свет вокруг чела его – быть ему великим героем, ибо для славы и подвигов рожден он...» – так думал князь, любуясь на светловолосого юного сына своего.

И еще одна пара глаз не сводила своего взгляда с молодого княжича. Смотрели эти глаза – серо-голубые, словно лесные озера – не мигая; и трепетало девичье сердечко в груди, и губы едва подрагивали, произнося никому не слышные, сокровенные слова. «Княжич синеокий, сокол ясный, ты ли сон мой сладкий, благостный, к тебе ли душа моя летит, устремляется, словно лебедь белая... Возвращайся мужчиной, и венок я надену на голову твою...»

Так грезила Беяна – только в прошлом году она прошла свой обряд Посвящения, с момента которого девицы уже могли присматривать себе пару. Давно уже сердце русоволосой красавицы принадлежало молодому княжичу. Да только не ведал он о том. Не засматривался он еще на девушек, все помыслы свои направляя на то, чтобы стать хорошим воином.

Но томные взгляды Беяны не остались незамеченными для брата ее, Малюты. Этот крепко сбитый, коренастый юноша стоял сейчас рядом с княжичем в числе посвящаемых. Он обладал полезным умением примечать разные мелочи, и сейчас мигом сообразил, что означают взгляды сестрицы. «И славно, – подумал он, слегка усмехнувшись, – вот бы сладилось у них...» Малюта с детства дружил с Чайном. Часто вместе состязались они во владении оружием, устраивали кулачные поединки. Они росли словно два брата, и были так же по-братски привязаны друг к другу.

Первым испытанием был бег. В полном доспехе будущим воинам предстояло пробежать три версты, а потом так же бегом вернуться обратно. Тот, кто прибежал последним, до испытания не допускался, и оно для него переносилось на следующий год. Едва прибежав, юноши бросали в цель копьё и метали стрелы; и тот, кто допускал один промах копьём и больше двух промахов из серии в пять стрел, опять же лишался возможности пройти испытание. Смысл этого заключался в том, что в бою воину могут не дать времени на то, чтобы перевести дух и приготовиться к борьбе, а вместо этого сражаться придется с ходу, сразу после длительного бега.

Третьим испытанием был кулачный бой. Помощники эхта делили отроков на две равные группы, и они должны были биться между собой на кулаках то время, пока у священнослужителя истекает каплями вода в привезенных от далекого народа ахай водяных часых-клепсидре.

Задача отроков во время этого испытания – остаться на ногах, при этом не нарушив многочисленных запретов, говорящих о том, что испытание кулачным боем проводится честно.

Конечно же, юный княжич легко преодолел все предварительные испытания, как и его друг Малюта. Оба они прибежали в первой десятке, попали копьями почти в самой середине первой мишени и поразили вторую четверть стрелами из пяти, а потом, оказавшись по разные стороны боя, честно обменивались ударами с другими такими же претендентами на звание взрослого мужчины-воина. Однако победа на этом этапе значила лишь то, что возмужало тело отроков, а не их дух. Теперь юному княжичу и его прошедшим первичное сито товарищам предстояло, возможно, самое тяжелое испытание в их жизни.

И настала пора подготовки к самому главному – к символическому изгнанию и жизни в лесу. После месяца поста и молчания должен был наступить день, когда всем селением погонят юношей прочь, словно диких животных. Это был обычай, освященный веками. Как и другие, молодой княжич готовился к этому – после прохождения этого этапа он будет считаться взрослым мужчиной и воином, обретая такие же права и обязанности, как и остальные члены воинского сообщества. И каждое утро в течение четырех седмиц приходил он к храму Яхора и, стоя перед бревенчатой башней, общался со своим небесным покровителем, стараясь хоть немного постичь промысел солнечноликого бога. И снисходила на княжеского сына благодать – легкость охватывала его, и душа будто воспаряла к небесам, и вкрадчиво пели ему таинственные колокольчики, словно рассказывая на своем языке древние тайны...

* * *

В день Посвящения встал юноша засветло, вышел на порог, поклонился семи ветрам и отправился к святилищу Яхора, где ему и его товарищам предстояло получить благословение небесного покровителя. Тонкая розовая полоска зари едва осветила горизонт, когда княжич уже стоял перед храмом, в тишине, нарушаемой лишь птичьим щебетом. Десять мальчиков встали полукругом, обратив взоры к вершине храма. Погруженный в духовное созерцание, княжич не отводил глаз от символа блистающего бога, что сиял на самом верху узкой башни – круг с семью лучами, изогнутыми наподобие языков пламени. Из-за горизонта медленно поднималось солнце, подсвечивая изображение причудливыми бликами – казалось, что лучи на нем трепещут будто настоящий огонь, а сам круг неторопливо вращается.

Старый эхт нараспев произносил молитвы. Его голос был по-молодому чист, он разносился далеко окрест – звонкий и торжественный, славящий покровителя жизни. Ради сегодняшнего таинства священнослужитель обрядился в длинные белые одеяния, испещренные тонко вышитыми божественными символами. В руке он держал резной посох, совершая им величавые движения.

Юноши стояли спиной к восходу. Так предписывал обычай. Сегодня им предстояло стать изгнанниками, чтобы умереть, а затем родиться заново...

Когда солнце полностью взошло и диск засиял, отражая его лучи, юноши воздели руки вверх и тоже вознесли молитву Яхору. Они просили благословить их в предстоящем испытании, даровать силу и выносливость, укрепить дух. Затем эхт прикоснулся к голове каждого посохом и повел их вокруг святилища. Сделав три круга, юноши остановились, только теперь повернувшись к взошедшему светилу лицом.

Теперь никто не произносил ни звука. Все застыли в ожидании чего-то особенного, что должно было снизойти на них. Желтый шар поднимался все выше, возвещая о торжестве жизни. Все вокруг пробудилось и теперь готовилось к новому дню – с его заботами, радостями и горестями. Высыхала утренняя роса, превращаясь в пар, уносимый ветерком. Раскрывались цветы, поднимая свои головки и отряхивая с листьев остатки влаги. Захрустели ветки деревьев – это птицы и мелкие лесные зверьки приступили к своей обычной суете.

Пресветлый бог любящим взглядом озирал свои владения... Все было устроено хорошо в этом мире.

Юноши стояли неподвижно. Внутренним взором они старались проникнуть вглубь сущего, приблизиться к пониманию божественной воли. Сегодня закончилась их прежняя беспечная жизнь в неге и беззаботности. Таков закон – мальчики превращаются в мужчин. Что ждет их впереди? Что уготовил для них солнечноликий бог? Какими им предстоит вернуться из леса, пройдя последнее испытание?

В момент мистического откровения княжич ощутил связь, что возникла между ним и солнцем – это Яхор отметил его своей благодатью перед грядущим перерождением. Юноша чувствовал, как разливается по его телу свет – он струился по венам, все меняя, все обновляя. Свет этот был божественной энергией, которой делились боги со смертными, благословляя избранных своих. Его называли «Олан» – «высший». Несомненно, отмеченному богами предстояло прожить непростую жизнь...

Видения проносились перед взором молодого княжича. Широкая дорога, плавно изгибаясь, лентой уходила за горизонт. По обе стороны от нее расстилались бескрайние просторы. Колыхались травы под ветром, волны пробегали по золотисто-зеленой ниве. И взирал юноша на все это будто бы с высоты. Люди в белых сияющих одеждах стояли у дороги; они смотрели вверх, и правая рука каждого из них была воздета в приветственно-благословляющем жесте. И вдруг осознал княжич, что люди эти – его предки, те, что ушли в Валох – край вечного покоя. Его душа опустилась с небесных высот, обретая под ногами твердь – и теперь он шел вдоль полей, вглядываясь в лица стоящих у дороги. Они были благожелательны к нему и смотрели с надеждой. Не мог он знать своих умерших родичей, но принимал он их благословения, склоняя голову перед ними. И неким озарением узнал он в одной из женщин свою мать – ее длинные золотые волосы развевались на ветру, трепетал подол длинной рубахи, и кротко улыбалась она, глядя на сына; безмерная любовь светилась в ее синих глазах...

Эхт с силой три раза ударил посохом в железный щит, что висел на стене святилище – гулкий торжественный звук разнесся далеко окрест, долго звеня в воздухе последними отзвуками. Видение пропало. Но отпечаталось в сознании княжича лицо матери – навсегда, на всю жизнь запомнил он его.

К храму стал стекаться народ. Вскоре селяне заполнили пологие склоны холма, на котором располагалось святилище. Они были нарядны. В руках они держали палки или хворостины.

Священнослужитель надел на шею каждого юноши по амулету, призванному защищать от темных сил. Родители, сестры, братья тоже подходили к ним и крепили к их поясам амулеты и обереги, благословляли.

Затем под песнопения юношей стали обряжать в звериные шкуры.

Кто рыщет по селу по нашему?
То волки, медведи, лисы, вепри —
Звери дикие ходят вокруг домов,
Рыщут среди людей они, зубами щелкают.
Из лесу пришли они темного, покой наш нарушили,
Не место зверям здесь, у очагов наших.
Изгоним тварей в лес, где жилище их,
Палками побьем их, чтоб не вернулись боле,
Пусть знают они, что там обитать должно им,
Сред своих сородичей, под деревьями высокими...

Так пели селяне, и, когда одевание в шкуры было закончено, они принялись громко кричать, свистеть и улюлюкать, потрясая своими орудиями. Юноши побежали через толпу. Люди норовили ударить кого-нибудь из них палкой или прутом. Били не сильно, но чувствительно. Каждый из отроков должен был направиться в свою часть Синего Леса, предназначенного для проведения заключительного этапа Посвящения. Испытуемые не имели права пересекать незримые границы и общаться друг с другом – как дикие звери, каждый из которых имеет свою территорию.

С этого момента мальчики переставали существовать как члены общины. Их нельзя было называть по именам, о них не следовало говорить. Они не могли показываться в поселении – в этом случае испытание считалось не пройденным. Через три седмицы они вернутся возрожденными – и тогда будет большой праздник. Им дадут новые имена и примут в дружину. Возможно, не все они возвратятся из леса... Но о сгинувших не принято было печалиться – покровитель охотников Авин сам выбирает себе угодную жертву.

Чаян быстрым шагом удалялся по тропе вглубь Синего Леса. Вот вырезанный на затесе ствола вековой сосны знак-оберег Рыси, говорящий и том, что тут начинается территория, в пределах которой ему придется провести целых три седмицы. Выискивая подобные знаки, княжич достаточно быстро обошел по кругу свои «владения». Небольшая поляна в центре, край болота, густые заросли кустов дикого ореха и редкий светлый сосняк на склоне холма. Не такое уж плохое место на самом деле, вот только близость болота обещает немало неприятных моментов, когда с наступлением темноты в небо поднимутся мириады злых голодных комаров, жаждущих живой и горячей человеческой крови.

Первым делом нужно было соорудить временное жилье, развести огонь и найти способ добывать пропитание. Единственным оружием-инструментом, который дозволялось иметь при себе испытуемым, был короткий толстый нож, с которым соплеменники Чаяна не расставались с трехлетнего возраста и до самой смерти. Говорили, что давным-давно, во времена далеких пращуров, проходящих испытание юношей изгоняли в лес даже без ножа... Но те времена давно прошли, и теперь юному княжичу было чем посрезать стволы молоденьких сосен на жерди, накосить на болоте камыш и нарезать прочных и гибких побегов полевого вьюна.

Нельзя сказать, что строительство шалаша было легким делом. Юноша потратил на это весь день, при этом изрезал руки острыми листьями камыша, исцарапался, выпутывая из ветвей кустарника побеги вьюна, и перемазался в смоле, когда срезал чахлые стволы молодых сосенок, которые не имели настоящей силы до тех пор, пока какой-нибудь из лесных великанов не рухнет под натиском непогоды или топора человека.

Последним, но самым важным делом было разведение огня, но Чаян смог приступить к нему только тогда, когда солнце стало клониться к закату. Нити, выдернутые из подола домотканой рубахи, были сплетены в шнурок, после чего изготовить лучок для добычи огня трением не представляло никаких особенных сложностей. Гибкая ветка орешника, обломок сухого сука, много лет провалявшийся на поляне, и сухая, прямая и тонкая палочка, которую княжич дополнительно подстрогал ножом. Когда инструменты были готовы, солнце почти село, и юноша был вынужден действовать быстро, но без суеты – ибо она замедляет, а не ускоряет работу.

Наконец все готово: тончайшая стружка настругана, пух кипрея и сухая труха собраны, углубление в суке, в которое будет вставляться вращающаяся палочка, вырезано – и вот Чаян берется за свой лучок. Дело это для него привычное – сколько раз, убегая удить карасей, он вот так разводил себе костер, только лучок и все необходимое тогда не надо было изготавливать на месте, а не возбранялось брать из отцовского дома. Двигая лучок туда-сюда, Чаян внимательно наблюдал, как из углубления, в котором вращалась палочка, поднялась тонкая струйка дыма, а потом затеплился первый уголек будущего костра. Дальше было уже относительно просто. Уголек был раздут до первого язычка огня, этот язычок был накормлен сперва пухом кипрея,

потом мелкими стружками, потом тонкими палками, потом крупными сухими ветками сосны, которые княжич заранее натащил к будущему костру... И когда на поляне окончательно стемнело, Чаян уже сидел перед небольшим уютным костерком и кормил его толстыми смолистыми ветками. Огонь – лучший друг одинокого человека в ночном лесу.

По ночам лес начинал жить своей, тайной и непостижимой жизнью. Он наполнялся зловещими звуками; казалось, что вокруг шастают существа из древних сказаний – упыри, лешие, различные духи. Со стороны болот веяло гниловатой сыростью. Из темной чащи доносились вскрики, хохот, посвистывание, визг или плач, от которых леденела душа. Но не пристало будущим воинам бояться нечистой силы. От нее защищали амулеты, и исчадия не могли подойти близко, стараясь напугать издали в расчете на то, что кто-нибудь малодушный поддастся страху – и тогда овладеют они душой его и похитят разум, и никогда уж не стать ему храбрым витязем...

Чуток был сон молодого княжича, когда коротал он ночи в своем жилище. Какая-то часть его всегда пребывала в бодрствовании, и стоило появиться у шалаша чему-то подозрительному, как юноша тут же вскакивал на ноги и выходил наружу с ножом в руке. Но обычно нарушителями покоя оказывались одинокая лисица или шакал, иногда прибежали любопытные куницы, норovia поживиться чем-нибудь у человеческого жилища. Чаще всего в таких случаях, подбросив в костер сухих веток и пробормотав слова короткой молитвы Яхору, Чаян уходил в свой шалаш досматривать сны, но иногда он оставался сидеть у костра, невидящим взором вглядываясь в рдеющие угли и пляшущие языки огня. Он много думал. Часто, притушив костер, смотрел на звездное небо, и тогда непривычное волнение охватывало все существо; казалось, оттуда, из бездонной глубины, кто-то зовет его...

Днем княжич бродил по окрестностям, наблюдая за жизнью леса, такого приветливого и уютного в это время суток, полного занимательных вещей. Скакали по ветвям юркие белки, сороки и синицы оживленно переговаривались в пышных кронах, где они гнездовались. Иногда пробежал серый заяц или торопливо прошмыгивал еж. Россыпи грибов встречались на пути юноши, сочные лесные ягоды манящими гроздьями висели на низких кустиках. Как приятно было нарвать их целую пригоршню и, отправив в рот, слегка придавливать языком, чувствуя, как вытекает из них сладкий сок, напоенный ароматами леса, солнца, дождя...

Чтобы добыть себе пропитание, княжич сплел тетиву из луба прошлогодней крапивы и с самодельным луком охотился на мелкую дичь – зайцев, перепелок, уток, после чего жаривал их на костре. Так прошла одна седмица. Миновал тот период, когда юноша был растерян и чувствовал себя одиноким, скучая по дому и родным, когда по ночам лезли ему в голову мрачные мысли, навеванные недобрыми звуками ночного леса. Теперь он уже пообвык и освоился на своей поляне, и хорошо изучил окружающую территорию.

* * *

Вторая седмица ознаменовалась непродолжительными грозами. Днем тучи набегали редко, но по ночам над шалашом грохотало, сверкали молнии, и потоки воды заливали полянку, на которой обосновался юный княжич. Но юноша не боялся ненастья. Наоборот, звуки грозы навевали на него думы о предстоящих свершениях. Лежал он без сна и слушал буйство природы, воображая себя во главе дружины, на могучем коне, рубящим врагов мечом направо и налево в кровавом сражении. Чтоб неповадно было супостатам поганым на земли венецкие покушаться! Чтоб не зарились они на добро чужое, не зорили селений, не губили старых и малых и не бесчестили жен, сестер и дочерей тех, кому испокон веков принадлежат эти густые леса, поросшие травой луга, богатые земли и бескрайние нивы... Так и засыпал Чаян, грезя как бы наяву.

А по утрам лес дышал свежестью, птицы, ликуя, заливались громкими трелями, повсюду виднелись шляпки разнообразных грибов, что радостно выскочили из-под земли, разбуженные благодатными каплями. Все было чистым и благоухающим, и даже небо как-то по-особенному голубело сквозь кроны, словно и оно тоже умылось дождем... Княжич наблюдал, как капает с отяжелевших дрожащих веток вода, как высыхают листики кустов, вновь становясь легкими и трепещущими – и ему казалось, что он чувствует связь между землей, солнцем и растениями. Солнце поило листья своим светом, окрашивая их в этот яркий зеленый цвет, а земля кормила стебли всем необходимым для их жизни. Невидимые глазу потоки струились внутри стволов, словно кровь в теле человека... И задумывался отрок о чуде Творения, о том, что все так гармонично и мудро устроено, и всем на этой земле найдется место, и всех она прокормит и обогреет, ибо так сотворил этот мир великий Яхор, пресветлый любящий бог. Но есть и темные силы, стремящиеся разрушить и уничтожить все доброе, справное и соразмерное, и силы эти ведут бесконечную борьбу со Светом. Тайком вползает Тьма в души людей, нашептывая и соблазняя, обманывая и мороча. И потому следует соблюдать чистоту в душе своей, не впускать туда темное, злое, не поддаваться вкрадчивому шепоту Тьмы...

В то утро княжича разбудило громкое сопение и хруст веток, словно какой-то крупный зверь подобрался совсем близко к шалашу. Схватив свой нож, юноша бесшумно выбрался из своего жилища. Прямо напротив, из ореховых зарослей, на него настороженно смотрели два черных глаза. Чуткие ноздри подрагивали, пытаясь распознать запах угрозы; животное то и дело встряхивало головой, которую щекотали тонкие ветви. На лбу нежданного гостя отчетливо виднелись два бугорка – это пробивались рожки.

Чаян стоял неподвижно, с интересом разглядывая животное. Без сомнения, это был молодой лосенок, только недавно вступивший на тропу самостоятельности. Любопытство привело его на эту поляну, столкнув с человеком нос к носу. Но малыш еще не знал, что двуногих следует опасаться. И теперь он стоял, не силах преодолеть свою любознательность, готовый при малейшем признаке опасности кинуться прочь, в чащу, на своих крепких копытцах.

– Иди сюда... не бойся... – тихо произнес юноша, затем медленно протянул руку по направлению к зверю и сделал незаметный шаг вперед. – Я не обижу тебя.

Животное недоверчиво фыркнуло, продолжая следить взглядом за маневрами странного двуногого. Чаян сделал еще один шаг вперед. Лосенок занервничал. Он стал постукивать передними ногами и энергичнее мотать головой. После того как юноша сделал третий шаг, инстинкты взяли свое – и зверь, сорвавшись с места, побежал. Однако, отбежав на несколько шагов, он вновь остановился и продолжал наблюдать за человеком.

Княжич стал осторожно приближаться к нему. Свой нож он заткнул за пояс, и теперь держал руки слегка разведенными в стороны, показывая, что не имеет дурных намерений.

– Не бойся, – увещевал он лосенка, – давай подружимся...

В ответ тот встряхивал ушами, словно понимал, о чем ему говорят. Княжич, улыбаясь, медленно приближался к животному. На этот раз оно подпустило его поближе.

– Я твой друг, – говорил юноша ласковым голосом, – я понимаю, что ты никогда не видел людей, но я не причиню тебе зла.

Он смотрел на лосенка не отрываясь – прямо ему в глаза. И вдруг явственно ощутил чувства животного; страх, трепет, любопытство – все это передалось ему, так, словно он сам был этим лосенком; точнее, будто какая-то часть его сознания перенеслась в голову зверя. Юноша замер, ошеломленный этими странными ощущениями. И одновременно он понял, что теперь властен над этим лесным детенышем. Что стоит ему мысленно попросить его стоять на месте – и он будет стоять...

«Так... Хорошо... – думал юноша, лихорадочно соображая, как теперь ему воспользоваться внезапно открывшимися возможностями, – успокойся, малыш... Стой там... Я хочу познакомиться с тобой поближе...»

Животное перестало нервничать. Игриво пофыркивая, оно преспокойно стояло за грядой сосенок, косясь на человека дружелюбным взглядом. Княжич подходил все ближе и ближе, и вот остался всего один шаг; юноша уже вытянул руку, чтобы погладить лосенка.

Внезапно в сознание юноши ворвалось что-то необычайно злобное и агрессивное; нет – скорее, дикое и необузданное. Кто-то рядом испытывал сильный страх, побуждающий к нападению. «Опасность! Опасность!» – вопила та часть разума человека, что была связана с лосенком. «Беги! Быстро!» – мысленно приказал он зверю – и тот, резко встрепенувшись, бросился в ту сторону, где темнела спасительная чаща. Он убежал от неведомой опасности, которую необъяснимым образом почуял человек.

А юноша, продолжая ощущать чью-то нарастающую агрессию, стоял, подобрившись и внимательно прислушиваясь к звукам леса, пытаясь распознать, с какой стороны ожидать угрозу.

Неожиданно что-то стремительное, полное ярости, бросилось на него сзади из ветвей крупного дуба, под кроной которого как раз и стоял княжич. В последний момент, почуяв смертельную угрозу, он резко обернулся – и рысь, стремительно атаковавшая из ветвей дерева, упала ему на грудь, повалив своим весом на землю. Если бы он не обернулся, то зверь мгновенно бы убил его, напав со спины и вцепившись клыками в шею. Машинально Чаян ухватил хищника левой рукой за горло, а правой потянулся за ножом. Прямо перед собой он видел ее желтые злые глаза, обведенные черной полоской, ощеренную пасть, из которой несло зловонием. Рысь сделала резкое движение мощной лапой – и длинные и острые серповидные когти, пробив грубый холст рубахи, глубоко вонзились ему в грудь. Теряя сознание и сходя с ума от боли, Чаян выдернул нож из поясных ножен и всадил его лезвие в мягкое брюхо зверя, а затем еще раз и еще. Рысь пронзительно закричала, со страшной силой выгибаясь в его руках, потом издала придушенный хрип и издохла.

Кровь из ран хлестала ручьями, юноша чувствовал слабость и головокружение. Отбросив тело убитого хищника, шатаясь и хватаясь за деревца, Чаян пытался добраться до своего шалаша.

«Помоги мне, великий Род, не дай умереть в расцвете лет! – взмолился княжич, чувствуя, как мутится сознание, – матушка родимая, заступись за жизнь сына твоего из благоуханных кущ Валоха... Не могу я покинуть отца, не могу оставить род свой, уйти вот так, не совершив ничего для народа своего, погибнуть безвременно от лап свирепого хищника...»

Он все-таки добрал до своего жилища, и там упал, окончательно лишившись сил. И тут же тяжкий бред овладел им – чудилось, что идет он, пробираясь сквозь серый, густой и липкий туман, который проникает под одежду тысячей холодных змей, пронизывая холодом и ужасом. Все тяжелее идти, руки и ноги с трудом слушаются... А где-то раздается зловещий и вкрадчивый голос, который все зовет, зовеет юношу к себе... Но не хочет поддаваться он этому зову, старается отвернуть от него. Но снова и снова раздается голос в тумане – торжествующий и леденящий, принадлежит он тому, кто готов поглотить его душу без остатка...

Несколько раз Чаян выныривал из тягостных видений. И тогда он понимал, что все еще находится внутри своего шалаша. Он не знал, сколько прошло времени с тех пор, как он оказался здесь. С трудом пытался он остаться в сознании, но вновь проваливался в серый туман... Лишь однажды, теряя сознание, услышал он отчетливый и близкий крик какой-то неведомой птицы, звонко прокричавшей возле самого шалаша:

– Улькуйя! Улькуйя!

Теперь туман был просто белым, и зловещий голос исчез. Юноша бежал вперед, крича о помощи, но белая пелена поглощала все звуки. Тогда он остановился и прислушался. Тихо-тихо издалека доносилась песня. Это была колыбельная... Пел ее женский голос. Княжич никогда не слышал этих слов раньше. Но голос... он казался родным. Сладко и тепло становилось в груди от этого голоса, и юноша, застыв, внимал этой тихой песне, боясь пропустить хоть слово.

– Ой ты дитяtko мое родимое,
Златы кудри твои, ясны твои глазоньки,
Ой кровинушка моя ты милая,
Свет очей моих, отрада, солнце ясное...
Ой да минет ночка, мгла рассеется,
Зоренька взойдет и травы высушит,
Мать-земля впитает твою кровушку,
Силы даст тебе, свое благословение.
Ой да небеса мои лазурные,
Ой да ветерок веселый, радостный,
Вы скажите моему дитяти милому,
Быть ему отважным славным витязем,
Будет он ходить в походы дальние
И мечом сражать коварных врагов...

Голос затихал, и княжич погружался в умиротворяющий сон. Теперь ему казалось, что он утопает в мягких подушках, пуховых перинах, что он снова, будто младенец, нежится в люльке и его окружают любящие и заботливые люди... И ощущал он рядом присутствие матери – она гладила его по голове нежными и мягкими руками и смотрела на него с безмерной любовью... И знал княжич, что любовь материнская будет хранить его от бед даже из Валоха – края вечного упокоения...

Глава IV. Выздоровление. Разговоры с ведуньей. Чаяну удастся приручить диких зверенышей

Вейница торопилась. С холщовой сумой через плечо шла она через чащу. Порой лес становился настолько непролазным, что ей приходилось продираться через заросли, раздвигая ветки своим дубовым посохом. Порой останавливалась она, прикрывала глаза, пытаясь нащупать ускользающую нить, что вела ее по верному пути. Она знала, что юноша в беде, но не знала, что именно произошло с ним.

Сегодня утром вдруг она услышала голос: «Помоги Чаяну! Иди к нему! Я покажу дорогу...» Старуха подняла глаза вверх – и увидела среди легких облаков призрачный образ женщины с развевающимися волосами – тревога сквозила в ее глазах. «Мурава явилась мне из мира мертвых, чтобы сказать о том, что с ее сыном приключилась какая-то беда», – догадалась ведунья.

– Я помогу, – с готовностью ответила она, склонив голову.

– Иди туда, – указала призрачная женщина – и ворох едва заметных солнечных зайчиков рассыпался по земле из-под ее руки, образуя подобие тропинки. – Думай о нем, и ты придешь туда, куда надо. А я не могу больше здесь оставаться... Прощу, поспеши... Спаси моего сына... – Образ таял, голос затихал, и вскоре без следа растворился среди облаков.

Вейница быстро заскочила к себе в избушку и, побросав в суму разнообразные снадобья, отправилась в путь, который указывали ей пятна света. Однако вскоре солнечные зайчики исчезли. Точнее, они стали почти незаметными, и ведунье приходилось напрягать глаза, пытаясь разглядеть их среди деревьев. Тогда она, сосредоточившись, подумала о молодом княжиче, представила себе его, мысленно позвала по имени. И тут же пятна света тускло замерцали в траве, ведя старуху к цели. Ведунья знала, что на самом деле никаких этих солнечных зайчиков не существует. Она могла видеть их только своим духовным взором. Это и была та связь с юным княжичем, нить, что соединяла ее с ним, и которую нельзя было потерять. И потому Вейница старалась оставаться в состоянии частичного транса, зная, что только так она найдет Чаяна. И чем ближе была она к цели, тем острее чувствовала запах приключившейся беды, и понимала, что от той скорости, с которой она передвигается, зависит очень многое.

Около трех часов шла старуха по лесу, стараясь не думать о своих немолодых ногах. Наконец она остановилась, оперев свой посох в землю. То, что предстало перед ней, свидетельствовало об окончании ее нелегкого пути. Тяжело дыша, ведунья обводила взглядом это место – и картина случившегося вставала перед ее глазами так, словно она была ее свидетелем. Возле могучей лиственницы лежала мертвая рысь, из живота которой торчала рукоять ножа. Примятая трава среди деревьев была закапана каплями крови, и по ним становилось ясно, в каком направлении ушел тяжело раненый человек.

Бросив беглый взгляд на кроны деревьев, старуха поспешила туда.

* * *

Княжич пришел в себя на третьи сутки. Он озирался, с трудом вспоминая то, что ему довелось недавно пережить. В шалаше пахло по-другому, не так, как раньше – незнакомыми травами, медом, и еще чем-то горьковато-терпким. Юноша с удивлением обнаружил, что его грудь аккуратно перевязана чистой холстиной, а сам он лежит на мягком травяном ложе, застеленном светлым полотном. Полог был откинут, и в жилище проникал яркий солнечный свет. Веселые птички трели дополняли ощущение покоя, уюта и безопасности.

Послышались шаги – и через мгновение в шалаше появилась незнакомая старуха. Ее смуглое лицо, обрамленное белыми, легкими как пух, волосами, было испещрено глубокими морщинами; брови нависали над глазами, но сами эти светло-голубые глаза отличались редкостной яркостью и чистотой, словно принадлежали не старухе, а молодой девушке. Она подошла к Чаюну и склонилась над ним. Взгляд ее выражал радость и облегчение, и юноша понял, что это именно она взялась его выхаживать.

– Здравствуй, Чаян, добрый княжич, сын Имаша, князя Пеяросльского...

Голос ее оказался тоже молодым, без свойственной старым людям скрипучести, и в нем присутствовали такие глубокие, сильные нотки, что поневоле заставляли проникаться вниманием в каждому слову.

– Здравствуй, бабушка, – ответил юноша, попытавшись склонить голову в подобии почтительного поклона, как полагалось благовоспитанному молодому человеку перед старшими. – Благодарю тебя за доброту твою, за то, что спасла меня от неминуемой гибели... Скажи мне теперь, кто ты, чтоб знал я, как звать-величать тебя, добрая женщина...

– Вейница я, – старуха сверкнула своими пронзительными глазами и слегка улыбнулась тонкими губами. – Поди, слышал обо мне?

– Слышал, бабушка Вейница! – обрадовался юноша. – Тятя сказывал, что отшельница ты, ведунья великая и пророчица...

– А еще что тятя сказывал?

– Что увижу если тебя когда-нибудь, в ноги чтоб кланялся... – ответил княжич, глядя на старуху с благоговением. – Да вот только несподручно мне нынче, уж прости меня, бабушка... – грустно заключил он.

– Ничего, княжич, – усмехнулась старуха, – вот встанешь на ноги, успеешь еще поклониться-то...

– И то правда! – кивнул юноша и улыбнулся.

– Я буду врачевать тебя, и если Яхор будет благосклонен, ты быстро поправишься, – уверенно сказала Вейница. – Твои раны сами по себе не очень опасны, просто много кровушки вытекло...

Затем старуха дала ему какое-то горьковатое питье, после чего сняла с груди повязку и, смазав раны пахучим снадобьем, снова перевязала, теперь уже другим куском ткани. Когда ведунья прикасалась к груди, было больно, но княжич терпел и не издал ни звука, как и подобает мужчине. Во время перевязки он успел заметить, что края ран стянуты в нескольких местах чем-то вроде нити.

– Заячья жилка, – пояснила ведунья, проследив за его взглядом. – Пришлось зашить; теперь и заживет быстрее, и следов почти не останется. Повезло тебе, что зверь до живота не добрался... Тогда бы и я помочь не смогла.

Затем старуха накормила юношу ароматным бульоном и велела отдыхать. Чаян действительно чувствовал утомление. Тем не менее он ощущал, что силы постепенно возвращаются к нему, и это заставляло его испытывать радость. Спокойный, он уснул, чтобы вновь проснуться только к вечеру.

Старухины снадобья оказались поистине чудодейственными – и уже на следующий день юноша решил встать и совершить небольшую прогулку. При поддержке ведуньи он вышел на воздух. Голова все еще немного кружилась, но запахи леса, душистый ветерок, голубое небо – все это заставило его почувствовать себя бодрее. Беззаботные птицы щебетали в кронах деревьев, над поляной весело порхали бабочки и стрекозы, важно гудели степенные шмели. Цветы кивали своими головками из густой травы, словно приветствуя юного княжича.

И тут его взгляд увидел растянутую на палках шкуру рыси – той самой, что была убита его руками.

– Это я сняла шкуру, – сказала старуха. – Ведь ты непременно должен вернуться в поселок с трофеем – а этот трофей очень ценен. Я воспользовалась твоим ножом. Вот он, – ведунья вынула нож Чаяна из кожаного мешочка, висевшего у нее на поясе, и протянула законному хозяину.

– Спасибо, бабушка, – искренне поблагодарил Чаян. Разглядывая нож, он некоторое о чем-то сосредоточенно размышлял.

Острый глаз старухи заметил задумчивость княжича.

– Ты хочешь о чем-то спросить? – сказала она.

– Да... Я вот все думаю – почему рысь на меня напала? Они обычно не нападают на людей...

– Ты сейчас поймешь, почему она напала... – произнесла старуха, – пойдём-ка.

Она повела княжича на другой край поляны. Затем, остановившись, издала странный звук, похожий на звонкое шипение с присвистом. Зашуршали ветви – и из зарослей выбежали два звереныша. Юноша не мог поверить своим глазам – это были рысьята! Пятнистые, широколапые, с кисточками на ушах. Однако они не стали подходить близко. Остановившись у кромки леса, настороженно смотрели они на Чаяна своими желтыми глазами и нервно подергивали ушами – было совершенно очевидно, что он внушает им опасение.

– Это... ее детеныши? – спросил потрясенный княжич. – У нее там, на дереве, были малыши – теперь понятно, почему она напала на меня... Подумала, что я им угрожаю. Но, бабушка Веюшка, как ты их достала оттуда? И как ты их зовешь?

– Добрый княжич, все то, что умею я, умеешь и ты... – ответила старуха, загадочно улыбаясь. – Когда я пришла на то место, сразу поняла, что там произошло. И догадалась, почему рысь на тебя бросилась. Там, на дереве, у нее дупло, где она вывела свое потомство. Ты слишком долго топтался возле ее дома, а эти хищники становятся слишком нервными, когда выкармливают малюток. Так что, дойдя до твоего шалаша и оказав тебе помощь, я вернулась назад, освеживала мертвого зверя, шкуру принесла сюда, а остальное отнесла подальше в лес. Затем я просто попросила этих малышей спуститься вниз... – Вейница внимательно посмотрела в глаза княжичу. – Я послала к ним свою мысль – и между нами возникла связь, так что я могла убедить их выполнить мою просьбу... А ты? Разве ты раньше не замечал в себе каких-то особенных способностей?

– Н-нет... – покачал юноша головой, – хотя... я все вспомнил, – он просиял и начал быстро говорить: – Я ведь в тот день за лосенком пошел. Он меня слушался, этот лосенок! Это было так странно... Да только не успел я к нему подойти, опасность какая-то рядом мне почудилась. Я ему, лосенку, молча приказал убежать, ну а потом эта рысь сразу на меня напала...

Он замолчал, глядя то на старуху, то на зверят, что жались друг к другу, недовольно урча. Ведунья выжидательно смотрела на него, и он понял, чего она ждет. Он сделал полшага вперед и вытянул перед собой руку. Затем издал такой же шипяще-свистящий звук, что слышал от Вейницы, и сказал:

– Не бойтесь! Я вас не обижу. Подойдите ко мне...

И дикие детеныши одного из самых опасных хищников послушно подошли к юноше. Они терлись о его ноги – маленькие, теплые, трогательные в своем детском очаровании. Чаян бросил на ведунью вопросительный взгляд; та ответила легким кивком. Княжич наклонился и потрепал малышей за шею, отчего они довольно зажмурились. Ощущение от прикосновения к теплой шерстке было настолько необычным, что княжич, потрясенный доселе неведомыми чувствами, выпрямился и тихо проговорил:

– Мне так жаль, что я убил их мать... Но она сама напала на меня.

– Все правильно, – успокоила его старуха. – Человек – господин над тварями, а не наоборот. Человек всегда должен побеждать. Главное – не убивать без нужды. Убивать ради

развлечения – это предел человеческой низости, и такое злодеяние никогда не останется безнаказанным, – старуха воздела руки кверху, – боги накажут такого человека.

– Разве можно убивать ради развлечения? – изумился юноша.

– Поверь, добрый княжич, люди еще и не такое способны... – с горечью промолвила ведунья, – тебе еще предстоит столкнуться с разными проявлениями подлости и низости людской – и главное, чтобы ты сам при этом не потерял чистоту своей души... А еще вред душе человеческой приносит невежество... Люди судят по поверхности, не стараясь заглянуть вглубь. Поэтому мой тебе наказ, княжич – имей глубокий взгляд на все, что происходит в этом мире. Умей заглянуть туда, куда другие не в состоянии.

Юноша решил позже подумать над словами старухи; сейчас же его интересовало другое.

– Что же с ними делать? Они ведь погибнут, если останутся в лесу... – он с сожалением смотрел на рысят, что затеяли у его ног веселую возню.

– Возьмешь их с собой, – сказала Вейница, словно это было само собой разумеющееся, – пусть в тереме соорудят что-то вроде клетки. Теперь ты за них отвечаешь... – она помолчала, а затем добавила: – Я ведь их только днем отпускала в лес погулять. Ночью слишком опасно, поэтому они ночевали в твоём шалаше... Да-да, прямо у тебя под бочком, – она улыбнулась, видя, с каким недоверчивым удивлением смотрит Чаян на зверенышей. – Энергия животных целебна, знай это – твои раны будут заживать быстрее...

К тому времени, когда истекли три седмицы и настал срок возвращаться в поселение, юный княжич почти полностью восстановил свои силы, и его раны хорошо поджили – все благодаря чудодейственным снадобьям старой знахарки, которая продолжала ухаживать за ним. Часто юноша задавал себе вопрос – каким образом Вейница очутилась рядом с его жилищем как раз в тот момент, когда ему нужна была помощь, когда он находился на краю неминуемой гибели? Почему именно она? Много раз вопросы эти готовы были сорваться с его губ – но всякий раз что-то удерживало его от этого. Глядя на старую ведунью, видя ее поразительные глаза, в которых, казалось, жили тысячи древних тайн, он не решался обратиться к ней с тем, что его интересовало. А еще он хотел сам поразмышлять над этой загадкой. Но после. Сейчас он все еще выздоравливал после рысских когтей, и от усиленных дум его голова начинала кружиться. Да и глаза ведуньи будто бы говорили ему: «Не спеши... Слушай, смотри, созерцай...»

Вейница не была многословна. Она произносила слова лишь в том случае, когда это было действительно важно. И Чаян, которого поначалу удивляло нежелание старухи разговаривать, постепенно стал понимать, что таким образом она учит его воспринимать мир всеми своими чувствами. А главное – находить ответ самому, прежде чем он будет дан в виде слов. Бывало, поднимала она к небу лицо и стояла так, закрыв глаза и слегка шевеля губами; и юноша, замедляя в благоговении, понимал, что так общается она с богами или духами. И он тоже пытался разговаривать с небожителями; и очень часто они ему отвечали. Нет, ответы богов воспринимались им не как слова, но как снизошедшие откровения. Их нельзя было облечь в форму речи, но каждый раз после такого откровения княжич чувствовал себя другим, как будто немного повзрослевшим. И однажды он с необычайной ясностью понял, как Вейница нашла его. Понял – и возрадовался. И тепло стало на его сердце, и наполнился дух его любовью, покоем, уверенностью и готовностью выполнить то, что предназначали ему боги... Что это будет – он и сам пока не знал, но чувствовал, что когда-нибудь это непременно откроется ему...

– Ну что, княжич... – сказала Вейница в то утро, когда ему предстояло возвращаться. – Тебе пора. Возвращайся в селение. А я пойду к себе... Путь мой не близок.

– Спасибо тебе, бабушка Веюшка, – проникновенно произнес юноша. – Доброту твою вовек не забуду, жизнью обязан я тебе, теперь ты – моя вторая матушка...

И он со всем почтением поклонился в ноги старухе. А она смотрела на него, и глаза ее лучились материнской нежностью к этому мальчику, который уже сегодня к вечеру будет

посвящен в воины – а следовательно, станет взрослым мужчиной. Знала она и то, что теперь связывает их навеки неразрывная нить...

Напоследок повесила она на его шею амулет – небольшой белый округлый камень, оплетенный шнурком; затем, едва шевеля губами, произнесла что-то, прикрывая амулет ладонью. И только после этого она, благословив княжича, отправилась к себе домой.

Глава V. Возвращение из леса. Окончание обряда Посвящения. Чайна, согласно обычаю, нарекают другим именем. Ночь, костер, новопосвященные выбирают себе пару. Влюбленная девушка уводит юного княжича в луга

Юноши возвращались из леса. Селяне встречали их, возбужденно гомоня и щедро охаживая палками и кнутами. Таким образом, согласно обычаю, они выбивали из вернувшихся «звериный дух». После этого мальчикам предписывалось посетить баню и, обрядившись в чистые одежды, выйти ввечеру на холм перед святилищем, чтобы завершить Посвящение.

Когда начали опускаться сумерки, одетые по-праздничному селяне потянулись на холм, чтобы принять участие в самом долгожданном и торжественном событии, с которым не могло сравниться никакое другое.

Храм был украшен лентами и цветами. Величественный, разнаряженный эхт, распустив по плечам седые пряди, нараспев произносил ритуальную речь. Солнце коснулось горизонта – и он ударил посохом в медный щит. Гомон в толпе прекратился. В тишине слышно было, как журчит вода в реке и шумят деревья. От реки потянуло влагой... Все вокруг наполнилось ожиданием великого и чудесного, что должно было вот-вот произойти – некоего мистического действия, которым руководят сами боги.

Снова стояли перед храмом юноши – но теперь их было не десять, а девять. Один из них сгинул в темном лесу... Может быть, растерзал медведь, а может быть, утоп в болоте – что ж, такое иногда случалось.

Теперь они чувствовали себя совсем по-другому, чем три седмицы назад, когда только готовились к испытанию. Они держались, гордо расправив плечи и глядя из-под бровей по-мужски суровым взглядом. Будь они по-прежнему мальчишками – плясали бы и прыгали от радости, что вернулись живыми; но теперь им это не подобало – еще совсем чуть-чуть, и они станут полноправными членами дружины, влившись в мужское общество воинов и защитников.

Поверх расшитой праздничной рубахи у каждого юноши была перекинута через плечо и закреплена на поясе шкура убитого им животного. У одного юноши это была шкура лося, у двух других шкуры лесных оленей, трое хвастали волчьими шкурами, еще двое носили на шее шнурки с просверленными кабаньими клыками, и лишь у Чайна была великолепная шкура рыси. И, конечно же, все с трепетом и легкой завистью косились на трофей княжьего сына. Чайн, делая вид, что не замечает этих взглядов, многозначительно переглядывался со своим другом Малютой. У того на плече висела шкура волка...

От храма к реке по пологому склону вели деревянные ступени с перильцами, также украшенные цветочными гирляндами. Они кончались, переходя в мостки, и на этих мостках была установлена арка. Боковые стойки ее украшали священные знаки, сливающиеся в причудливую и сложную резьбу. Семь широких деревянных лучей расходились вверх от ее дуги, и на каждом из них был начертан древний священный символ. Арка называлась «Идуна» и олицетворяла собой женское лоно.

Итак, в наступившей тишине эхт объявил, что юношам предстоит пройти последнюю часть Посвящения – новое рождение. Он махнул рукой – и те цепочкой потянулись вниз, к реке; но спускались они не по ступеням, а по боковой тропинке.

У берега юноши скидывали всю свою одежду и входили в реку. Им следовало погрузиться в воду полностью, с головой, причем они все должны были успеть сделать это до того, как

солнце полностью зайдет за край земли. В это время эхт спустился по ступеням и теперь вместе с двумя помощниками стоял возле арки. Юношам предписывалось, доплыв до мостков, выбраться из реки и пройти под аркой – получить символическое новое рождение.

Посвящаемые сами определяли, кто из них первым пройдет обряд. Как правило, такой чести удостоивался лучший из них – тут играл роль и авторитет этого молодого человека, и его качества, и внешняя стать. Но, пожалуй, решающим фактором являлся трофей, добытый юношей в лесу. Поэтому первым, сбросив с себя рубаху, в воду вошел юный княжич. Все в нем пело и торжествовало – вот он, главный момент его жизни. . . Вода оказалась теплой и ласковой, и Чайн не без удовольствия нырнул, так, под водой, проплыв почти до самых мостков. Затем он ловко выбрался и, глубоко вздохнув, словно освобождаясь от всего прежнего, вступил под своды Идуны. В этот момент он почувствовал, будто окатила его с головы до ног невидимая волна – это означало, что обряд завершен, и вместе с благословением богов он получил новое рождение как взрослый и полноценный член общины.

Люди, что сверху, с холма, наблюдали за происходящим внизу, радостно заголосили и принялись распевать громкие песни, славя и поздравляя новопосвященного. В это время помощники эхта обряжали юношу в новые одежды, а сам священнослужитель нарекал его другим, «взрослым» именем, которое теперь предстояло носить до конца жизни.

До того, как помощники успели накинуть на княжича белую рубаху (которую специально для этого обряда шили и вышивали его сестры), эхт заметил на его теле свежие шрамы. Четыре багровые выпуклые полосы пересекали грудь юноши наискось, от левого плеча и до нижних ребер с правой стороны. Эхт, дав помощникам знак погодить, внимательно взгляделся в эти отметины от рысских когтей, и затем взглянул в глаза юноше – и взгляд старика выражал изумление и священный трепет.

Наконец княжича облачили полностью – в рубаху, шаровары и сапоги, подпоясали расшитым поясом. Красивый и статный, стоял он в свете заходящего солнца, лучи которого подсвечивали медью его кудри, спускающиеся до плеч.

– Нарекаю тебя Ланизбором! – зычно и торжественно провозгласил эхт. – Воистину избран ты свыше, и свидетельство тому начертано у тебя на груди, ибо не помню я еще случая, чтобы удавалось младому юноше уйти живым из лап рыси. . . Солнцеликий Яхор, пресветлый Владыка, благословляет тебя! – и он прикоснулся своим посохом к голове новопосвященного.

Радостные возгласы донеслись с холма, и юноша, еле сдерживая в сердце своем ликующую радость, поклонился до земли в сторону поселения, отвесил поклон солнцу, и затем – старому эхту. После этого он стал подниматься по деревянным ступеням вверх, к храму, где радостные селяне ждали его, чтобы чествовать и поздравлять. Шел он не спеша, с достоинством, подобающим юному витязю.

Следом за ним принимал Посвящение Малюта; его нарекли Воймиром, он шагнул на первые ступени как раз в то время, когда княжич преодолевал последние.

А там, на холме, ликовал народ. Люди забрасывали княжича цветами, девушки кружили вокруг него хоровод – румяные, улыбающиеся, они заигрывали с ним, стараясь прикоснуться, а он краснел и смущался, хотя и было все это несказанно приятно. Но вскоре и его друг разделил с княжичем внимание красных девиц; а затем, когда все юноши прошли заключительную часть обряда и получили новые имена, веселье приобрело необычайный размах. Солнце уже погасло, и настало время готовиться к разжиганию костра, который был уже предварительно сложен на расчищенной площадке перед святилищем.

Эхт медленно подошел к кострищу. Селяне, встав в хоровод, затянули громкую песню, сопровождаемую резкими выкриками. Так они возносили хвалу богу Огня Авригуну, выражали ему свое почтение и просили благословить их праздник.

Огонь! Он являлся непознаваемым чудом. Он мог быть грозным и смертоносным; но, прирученный, он грел, готовил пищу, а также веселил. Огонь был разрушающей, но одновре-

менно и созидающей силой. И существовали отдельные чудодеи, которые могли подчинить себе эту силу... Они могли заставить огонь превратить в звонкий металл рассыпчатую бурю грязь, которую по зиме извлекают со дна болот. Сначала этот металл становился в их руках мягким, словно сырая глина, и потом эти чудодеи изготавливали из разных инструментов, а также оружие.

Обитали такие чудодеи-кузнецы за пределами селений, на отшибе, ибо нельзя заниматься таким могучим огненным ведовством там, где живут люди. Каждая девица желала стать хозяйкой в доме, из которого и день и ночь раздаются звонкие удары металла о металл, ибо всякий раз на наковальне рождается либо лемех плуга, которым орут (пашут) матушку-землю, либо звонкий топор, которым рубят деревья, либо «великий миротворец» – длинный прямой меч воина-дружинника, что предназначен защищать земли венедов от напастей. Если не станет кузнецов, то венеды станут слабыми и одолеют их всякие беды, поэтому опытным кузнецам, хозяевам жаркого огня и звонкого металла, оказывался почти такой же почет, как и жрецу-эхту. Вот они, эти укротители огня и металла – стоят в первых рядах селян в своих нарядных одеждах, выделяясь среди них могучими мускулистыми фигурами и закурчавившимися от жара горна бородами.

Искра упала в середину кострища – и легкий дымок поднялся от сухой травы, что была выложена посередине. Эхт наклонился и принялся дуть туда, где из маленькой искорки зарождалось пламя. Люди теперь ритмично хлопали в ладоши и приговаривали: «Авригун, нам свет даруй! Тепло даруй!» Священнослужитель, натуживая щеки, старательно раздувал огонь. Это была его почетная обязанность, и он выполнял ее со всей подобающей важностью. Наконец трепетное пламя занялось среди сухого пучка. Сначала оно робко танцевало, но вскоре, словно удостоверившись, что ему ничто не помешает, весело заплясало, с треском пожирая ветки и торопливо устремляясь все выше и выше. Народ возликовал. Теперь люди выражали свою бурную радость. Всем было известно, что бог огня не покровительствует мрачным и унылым. Хвалебные песни вознеслись в небо, которое, казалось, резко потемнело после того, как огонь запылал в полную силу.

– Гори, гори, ясно! Чтобы не погасло!

Возбуждение нарастало. Селяне пели, кружась вокруг костра – они притопывали, прихлопывали, то и дело доносилась какая-то веселая шутка, и вслед за ней – взрыв смеха. Парни и девушки стали собираться в хоровод. Тут-то и пришло время выразить свои симпатии...

В этот день девушки могли выбирать себе пару из новопосвященных. Юноши немного стеснялись, топчась на месте и стреляя глазами в сторону девушек, которые, хихикая и шушукаясь между собой, тоже смотрели на них, оценивая и выбирая. Они могли и не выбирать – тогда выбирали их. Но обычно девушки уже заранее знали, на чью голову они наденут венки...

Княжич чувствовал себя немного неловко, хотя старался не подавать виду. Он бы с превеликим удовольствием просто поводил бы хоровод у костра, пообщался с товарищами, с которыми так долго не виделся. Хотя у многих его сверстников были на примете девушки, сам он не считал, что готов с кем-то «поиграть». Собственно, такое скромное поведение отнюдь не возбранялось. И даже считалось, что тот, кто найдет себе пару годам к шестнадцати-семнадцати, более мудр и рассудителен по сравнению с другими. «Найти пару» вовсе не означало заключить брачный союз. Парни и девушки могли вступать друг с другом в близкие отношения, сравнивать, выбирать. Некоторые решали пожениться с первого же раза, но другие не спешили, стараясь найти пару по душе. Не одобрялось лишь, если к девятнадцати годам парень или девушка не создали семью. С такими беседовали старейшины, стараясь наставить на правильный путь – и, как правило, вскоре такие молодые люди наконец «остепенялись».

Друг молодого княжича, которого теперь надлежало звать Воймиром, нетерпеливо покусывал губы, не сводя глаз со своей зазнобы, Сияны – бойкой, грудастой и круглолицей девицы шестнадцати лет. Она первая направилась в сторону новопосвященных юношей; в отблесках

костра сверкала ее белозубая улыбка, слабо сплетенная коса цвета спелой ржи гордо покоилась на ее плече. Когда она подошла совсем близко, пахло от нее чем-то женским, теплым, волнующим и сокровенным...

Она надела венок на голову своему избраннику, прикоснувшись к нему на мгновение своей большой грудью, и произнесла, сверкая зелено-карими глазами:

– Пойдем, Войко, поведем с тобой хоровод, будешь моим дружочком...

И она увлекла его за собой – необычайно гордого и довольного. И тут остальные девушки ринулись разбирать парней.

* * *

«Мне надо успеть первой... – думала Беяна, – что если кто-то опередит меня? Ах, ну что ж я сразу-то к нему не подошла? Надо было вместе с Сияной... Что-то оробела я... Ох, княжич мой ненаглядный, будешь ты моим все равно... Никому тебя не отдам...»

Беяна еще не выбирала себе пару, хотя многие парни сохли по ней, ибо была она настоящей красавицей. Но только юный княжич, лишь он один, владел всеми ее помыслами – ни на кого более не обращала она свой взор. О нем она грезила и во сне, и наяву, и не могла дождаться того дня, когда он станет взрослым. Нравился он ей с самого детства. Часто они играли втроем – Чайн, Малюта и она. И в какой-то момент (она даже не могла сказать, когда именно) вдруг стала она ощущать что-то странное, когда княжич находился рядом. Щеки ее начинали гореть, сердце часто билось, а губы пересыхали, так что приходилось все время их облизывать. И тогда возникало в ней неукротимое желание прикоснуться к другу своего брата, запустить руку в его золотые кудри и... На этом месте она всегда терялась, не зная, чего именно ей хочется. Но потом старшие подруги рассказали о том, что бывает между двумя, когда они нравятся друг другу – и занялся дух у девицы от того, что она узнала; от всего этого тайного, сладкого...

Она растолкала локтями своих товарок – и предстала перед княжьим сыном с пышным, благоухающим венком в руках, и тут же ею овладела досадная слабость – так близки были его синие глаза... Но быстро овладела она собой – и, улыбнувшись лукаво, надела венок свой на голову княжичу под веселые шутки и смех остальных девчат и парней. Затем схватила она его за руку и увлекла в хоровод.

Вскоре все новопосвященные юноши радостно кружились вокруг костра вместе с выбравшими их девушками. Селяне веселились. И стар, и млад – все сегодня радовались, что девять молодых людей стали полноценными мужчинами. Это был праздник в их честь.

Княжич чувствовал, как крепко сжимает его руку Беяна. Ее трепет передавался ему, и он украдкой поглядывал на девушку – тогда она тут же отводила взгляд. Ее лицо, освещенное мерцающими отблесками костра, хранило ту чистую прелесть, что свойственна совсем юным, только начинающим взрослеть, девушкам. Она была похожа на нежный и хрупкий цветок. Завитки, выбившиеся из зачесанных назад волос, легким облаком обрамляли ее лицо, пухлые губы были сочными и свежими, словно земляника, а маленький, чуть вздернутый нос придавал этой девушке немного детский и трогательный вид.

Только сейчас разглядел княжич, что его подруга по детским играм повзрослела – и это наполнило его радостным изумлением. И в этот момент он окончательно осознал, что и сам стал взрослым – и теперь может делать все то же самое, что и другие мужчины... И от этой мысли стало ему неловко. Да, он стал взрослым, и может теперь «играть» с девушками... Но отчего-то крепла в нем уверенность, что рано ему еще пароваться. Он сам не знал, почему был так в этом уверен. Ведь девушка, надевшая ему на голову венок, была очень хороша собой... Но что-то претило ему спароваться с ней.

Юноша сосредоточился на своих ощущениях, чтобы попытаться лучше понять себя. Из ее руки в его перетекало что-то яркое, сильное и горячее, хорошо ощутимое – и это пугало его.

Нет, не само это, а то, что он не мог ответить ей тем же. Его энергия не выходила за пределы его тела – она спокойно струилась, без всплесков и выбросов. Он не мог отдать ей ее взамен. Он не мог заставить себя почувствовать то же, что и она. И княжич отчетливо понимал, что стоит поддаться искушению – и он сделает ее несчастной... Ведь он еще не выбрал... сердце его молчало, не трепетало оно в ответ ее сердцу. Не возносилась его душа на неведомые высоты, не замирала от восторга, не томилась в предвкушении... И все более неуютно ощущал себя княжий сын.

Тем временем на поляну привезли бочку с медовухой. Новопосвященным не возбранялось сделать по паре глотков (если кто имел такое желание), хотя остальные могли выпить и больше. Конечно же, никто из юношей не отказался.

Приложившись к кружке с хмельным напитком, княжич вскоре почувствовал легкое головокружение, затем ему стало так хорошо, легко и весело, что хотелось смеяться, петь и кружиться в неистовой пляске. Ушло беспокойное чувство, и теперь все казалось прекрасным и легкоразрешимым.

Постепенно костер угасал. Теперь языки пламени не взлетали к небу; поглощая остатки дров, огонь теперь горел вполсилы.

– Очистимся от скверны! – провозгласил эхт, потрясая посохом над головой.

– Очистимся! – радостно поддержали селяне.

И началась забава... Прыгать через костер полагалось в основном молодым людям; старшие могли и не участвовать в этих рискованных игрищах. Сначала прыгали парни. Разумеется, начали с новопосвященных, которые впервые участвовали в такой забаве на законных основаниях. Молодой княжич, не раздумывая, разбежался – и ловко перепрыгнул через костер, лишь слегка подпалив края шаровар. Селяне одобрительно засвистели, закричали. Следом парни прыгали один за другим, показывая свою удаль. И ничего, что головы у всех были слегка хмельные – два глотка доброй медовухи почти не влияли на способность управлять своим телом, зато чувство полета было упоительным...

После парней пришла очередь девушек. И тут новопосвященные стояли, открыв рты – под шуточки старших товарищей они наблюдали, как девки с визгом сигают через костер; и при этом их юбки задираются, обнажая все, что обычно скрыто от глаз – все то манящее и одновременно смущающее неискушенных отроков...

Княжич, чувствуя, как горят его щеки, но не в силах отвернуться, смотрел, как прыгает через костер Беляна... Мелькнули на мгновение ее белые ягодицы – и под одобрительные крики, раскрасневшаяся, тяжело дыша, она подошла к своему избраннику. Она застенчиво, но одновременно маняще улыбалась; ее зубы влажно поблескивали между раскрытых губ, грудь вздымалась, и волосы были слегка растрепаны. В глазах ее мерцал удивительный блеск – казалось, там, в их прозрачной глубине, горят таинственные светильники.

– Пойдем, Ланко... – она взяла княжича за руку.

Он знал, куда она манит его. Многие пары уже покинули поляну, рассеявшись по кусточкам да оврагам... Головокружение еще не прошло, и потому княжич безропотно пошел за девушкой. Ее рука была прохладной, и он явственно ощущал ее дрожь, ее волнение.

Вот они спустились с холма, отойдя на изрядное расстояние от места празднества. Они могли видеть отблески догорающего костра, слышать смех еще остающихся на возле него людей. Но здесь, внизу, где колыхались кусты и темной стеной вставал близкий лес, властвовали совсем другие звуки. Тоскливо и тонко посвистывали ночные птицы, тихо шелестели под ночным ветром верхушки деревьев и пели в высокой траве цикады. По небу плыла круглая и яркая луна, заливая все вокруг своим колдовским голубоватым светом.

– Постоим... – произнесла Беляна.

Она стояла, не поднимая глаз и ежась от ночной прохлады. Она ждала, что юноша обнимет ее, согревая теплом своего тела. Он так и сделал. Он действительно чувствовал нежность к

этой девочке. Сейчас он ни о чем не думал – голова его была пуста, словно ветер вымел оттуда все мысли. Он прижимал ее к своей груди и гладил ее мягкие волосы. А она, уткнувшись носом в его плечо, испытывала несказанный прилив счастья.

«Мой! Он мой, наконец-то! Ланко, солнце мое ясное, княжич ненаглядный, будем мы парой с тобой, только ни к чему нам торопиться... Как же хорошо стоять вот так с тобой, сокол мой ясный, миленок, любимый мой... Ну, скажи мне хоть что-нибудь...»

Но княжич молчал. В голове он все еще чувствовал какой-то туман, и ему было хорошо. Жар девичьего тела еще сильнее кружил голову, и он уже готов был поддаться чарам этой ночи... Но вдруг что-то промелькнуло на фоне луны, похожее на тень крупной птицы. Юноша непроизвольно вздрогнул. В ветках зашуршало, и он весь превратился в слух, словно ожидая какую-то весть.

– Что с тобой, Ланко? – шепотом спросила девушка, почувствовав, как его настрой внезапно изменился. Голос ее был полон тревоги. То, что возникло было между ними, вдруг исчезло; растаяло все волшебство и упорхнула трепетность, и сладкое ожидание сменилось тянущим беспокойством.

Было тихо, но княжич все еще к чему-то прислушивался.

– Пойдем... – тихонько потянула его девушка.

Он пошел за ней, почти успокоившись. Торопливо шагая по густой траве, она тянула его вперед, к кустам, крепко сжимая его руку своей маленькой холодной ладошкой.

И вдруг княжич споткнулся о какой-то корень. Их руки разъединились, и, падая в траву, юноша услышал доносящийся из леса отчетливый крик неведомой птицы:

– Улькуйя!

Глава VI. Юность Альбизар. Советник архуна лелеет мечту сделать Альбизар своей женой. Смерть старого архуна

Прекрасна была степь по весне. До самого горизонта простирался колышущийся зеленый ковер, усеянный цветами – голубыми, желтыми, лиловыми, красными. Теплый ветер разносил ароматы пробудившейся природы. Над травами, радостно щебеча, летали птицы, радуясь долгожданному теплу, приветствуя весну, которая немного запоздала в этом году.

Одинокий всадник скакал по степи. Статный белый конь мчался словно ветер; весна действовала и на него, вызывая особенный прилив энергии. Казалось, что, будь у коня крылья – он взмыл бы вверх и летел по небу, нарушая умиротворенный степной покой громким и торжествующим ржанием.

Сидящий на коне был одет в светлую рубаху из плотной ткани, доходящую до середины бедра, и малиновую безрукавку – все отделанное вышивкой и разноцветными бусинами. Черные шаровары с вышитой золотом каймой по низу были заправлены в красные кожаные сапожки, украшенные кисточкам. На голове человека красовалась остроконечная шапочка с черно-белым орнаментом, валяная из овечьей шерсти.

Наконец всадник остановил коня, решив дать ему немного передохнуть. Он спешил и, любовно потрепав своего скакуна по загривку, сказал своему четвероногому другу несколько ласковых слов. Конь понимающе дернул ушами, а затем, пофыркивая, опустил свою голову и принялся неторопливо щипать траву – такую свежую, сочную и необычайно вкусную, которая бывает только весной. А спешившийся всадник, подставив лицо ветру, улыбнулся и зажмурился, наслаждаясь прекрасным днем. Легким жестом он снял шапочку с головы – и за его спину упали две тяжелые черные косы, достающие почти до земли...

Альбизар стояла и смотрела на зеленый простор. Степь была ее домом, где все хорошо знакомо. Девушка любила весну, и, бывало, уезжала на своем Аричаке на целый день, взяв лишь котомку с едой и бурдюк с водой. Весна волновала ее и наполняла непонятной радостью, заставляя сердце биться без причины, словно в предчувствии чего-то необычайного.

* * *

Ей уже исполнилось пятнадцать. Светлый оттенок ее кожи говорил о высоком происхождении; об этом же свидетельствовали маленькие ступни и изящные тонкие пальцы рук. Лицо ее имело форму правильного овала, и лишь скулы слегка выступали на нем. Нежный округлый подбородок, небольшой нос, полноватые яркие губы – все это дополняли выразительные черные глаза – чуть раскосые, будто бы обведенные с внешнего края темной тенью, которая еще удлиняла их, создавая некоторое сходство с глазами рыси.

Слава о красоте принцессы разнеслась далеко за пределы становища. Несколько раз из соседних кланов приезжали гости посмотреть на этот распутившийся дивный цветок. И зачастили в становище сваты... Хотя обычно мужчины неохотно оставались в чужом клане, но поразительная красота юной принцессы и перспективы стать главой богатого стойбища впечатляли их настолько, что они готовы были оставить собственный клан. Но девушка отказывала им всем. И, как ни убеждали ее многочисленные родственники, упорно твердила, что замуж не пойдет ни за кого.

Старый архун, дед Альбизар, был болен и стар, жизнь едва держалась в его иссохшем теле, многократно раненом в боях – теперь эти старые ранения давали о себе знать мучитель-

ными болями. Когда-то Ауз-Туглун был отважным предводителем и железной рукой управлял своим войском, совершая победоносные набеги на соседние земли и давая отпор враждебным племенам. И был у него любимец – Ину-Бех, что являлся и советником, и правой рукой стареющего правителя; архун относился к нему как к родному сыну. Но все-таки больше всего на свете любил он свою единственную внучку... И втайне мечтал о том, что когда-нибудь узы брака свяжут этих двоих на благо всему народу.

Архун всегда поддерживал Альбизар во всех ее решениях и старался помочь ей мудрым советом. Часто они беседовали друг с другом, и старик с заботой наставлял девушку, желая для нее самой лучшей доли. Да только черноокая красавица давно решила, что всегда будет поступать так, как подскажет ей ее собственное сердце. Горделивая и своенравная, она обладала сметливым умом и сильным характером. Она старалась быть не хуже мужчин, осваивая навыки военного дела, развивая силу и ловкость. И старик в душе одобрял ее, несмотря на ропот старейшин.

Однажды Ауз-Туглун, призвав Альбизар к своему ложу, сказал, преодолевая немощь: «Зари-оянэ (уменьшительно-ласкательное от имени), светильник жизни моей угасает, скоро я уйду к Великому Оудэ... Скорбит мое сердце, глядя на тебя... Негоже женщине без мужчины быть. Замуж тебе надо... Уж пора. Но гонишь ты пришлых женихов... И это правильно. Чужак не сможет управлять нашим кланом. Нужен тебе кто-то из своих, у нас много достойных мужчин. Скажи, есть ли среди них тот, кто люб твоему сердцу?» Но нахмурилась Альбизар, и, несмотря на любовь свою к дедушке, твердо ответила: «Кея-дулу (дорогой дедушка), никто не люб мне, и не пойду я замуж... Хочу сама я править своим народом...» Помолчал старик в задумчивости, моргая слезящимися глазами, и сказал так: «Я не могу неволить тебя, Зари-оянэ. Это твое право. Но ты еще так молода... Подумай о том, кто будет править народом после тебя, если ты не оставишь наследников? Что если это будет недостойный человек, который приведет наш клан к краху? Также и о том подумай, что тяжело будет тебе править, будучи женщиной. Вокруг тебя будут завистники и интриганы, и ты можешь пострадать из-за их козней... Я не хочу этого, девочка моя... – архун тяжело, со свистом дышал, переводя дух после длинной тирады, – поэтому, прошу тебя, подумай хорошо. И если ты все же надумаешь вступить в брак, то самой лучшей партией для тебя будет Ину-Бех. Он верен мне, он храбр и решителен, умен и могуч. Он недурен собой... Не смотри на его шрамы, они не портят мужчину, а, наоборот, говорят об отваге и мужестве. Он настоящий воин и достоин разделить с тобой бразды правления. А главное, что я доверяю ему так же, как себе самому, и отношусь к нему, как к собственному сыну...» «Хорошо, кея-дулу, я подумаю», – ответила Альбизар, глядя на старика с состраданием и любовью. Ей не хотелось огорчать его. Поэтому она ничего не сказала о том, что Ину-Бех не нравился ей. Более того – она просто не выносила этого человека, стараясь по возможности избегать с ним встреч. Этот тридцатитрехлетний мужчина внушал ей сильнейшее отвращение, и особенно это чувство усиливалось, когда он смотрел на нее своими блестящими похотливыми глазками, облизывая толстые красные губы и самоуверенно ухмыляясь. В его глазах сквозила наглая уверенность в том, что когда-нибудь она будет принадлежать ему. Он не сомневался, что старый архун сможет убедить свою строптивую внучку выбрать себе в мужья именно его.

Никто не знал, что этот человек с самого рождения Альбизар решил, что она станет его женой. И, хоть Ину-Бех имел трех наложниц, все же терпеливо ждал этого момента. По большому счету ему была безразлична сама девушка и ее тонкая юная красота, ему хотелось дорваться до настоящей власти, а не просто быть правой рукой природного правителя. В своих мечтах он воображал, как люди кланяются ему и беспрекословно выполняют его приказы. Он грезил о том, как соберет под свою руку бесчисленное количество степных воинов и будет ходить в походы на венедские земли, как подчинит себе упрямых жителей лесных полян и

обложит их данью. Как светловолосые девушки будут валяться у него в ногах и трепетать, а он будет выбирать среди них – на каждую ночь по новой жертве для своих забав...

* * *

Альбизар смотрела, как ветер колышет травы. Ей хотелось хоть на время освободиться от тревожных мыслей.

Под ее ногами атели маки. Их было много здесь, в степи. Они росли целыми полянами – большие, ярко-алые. Дед как-то рассказывал ей, что маки произрастают на местах сражений, что эти цветы на самом деле – кровь воинов, сложивших голову в сражениях... Там, где упал сраженный воин, там на следующую весну начинают прорастать эти цветы. И если глянуть на весеннюю степь с вершины холма, то кажется, будто вся она залита кровью погибших в боях храбрецов, которые с начала времен полегли на этих степных просторах. Может, и ей также суждено пасть посреди степи со стрелой, пронзившей сердце, или с головой, разрубленной лихим сабельным ударом, а потом прорасти по весне купой ярко-алых маков... Никто не знает своей судьбы, и боги с небес смеются на теми самоуверенными смертными, которые убеждены в обратном...

Весь день девушку преследовало какое-то нехорошее предчувствие. Она гнала его прочь, убеждая себя, что в такой прекрасный день просто не может случиться ничего плохого. Она подставляла лицо степному ветру, но и ветру не удалось выдуть из ее головы неясное беспокойство.

Откуда ни возьмись, на ясном небе возникла большая туча. Подгоняемая невидимыми воздушными потоками (или поддуваемая самим Оудэ?), она приближалась к солнцу. Наконец серая громада достигла небесного светила – и в одно мгновение закрыла его. Степь потускнела, поглощенная тенью. Примолкли птицы и наступила странная, непривычная тишина. Утих даже ветер. Казалось, что все замерло в степи, словно сам Небесный Властелин приказал жизни остановиться.

Ощутимый холодок проник под одежду юной принцессы, заставив ее поежиться. Альбизар смотрела на тучу, которая, пожрав солнце, казалась теперь темной, зловещей. И вдруг в этой тишине она почувствовала, словно кто-то зовет ее...

Девушка побледнела и, прошептав «Дедушка...», резко вскочила на коня и во весь опор помчалась к становищу.

У архунского шатра толпился народ. Шабин сидел напротив входа и распевал молитвы, воздев руки к небу; его глаза были прикрыты, он качался из стороны в сторону в молитвенном экстазе, и бахрома из перьев на шапке жреца колыхалась в такт его движениям. Люди были встревожены; скорбь и печаль заставляли их спины сутулиться и закрывать лбы руками. Женщины в больших зеленых платках, укутывающих их фигуры почти до пят, то и дело издавали скорбные восклицания – и вместе с проникновенным пением шабина все это создавало ощущение некоего великого и очень важного действия, и предчувствие чьей-то неизбежной близкой смерти придавало этому действию еще больше торжественности.

Альбизар, едва соскочив на землю, поспешно вошла в шатер.

– Кея-дулу! – Рыдая, она бросилась к дедушке.

Веки старика дрогнули – он узнал внучку; и по лицу его прошло что-то похожее на счастливое удовлетворение.

Ауз-Туглун был при смерти; как говорили в степи – «одной ногой в жемчужной обители». Он лежал на своем ложе – иссохший и бледный, словно мумия, и грудь его тяжело вздымалась со свистом и хрипами.

В шатер не позволялось заходить посторонним. А из самых близких людей у архуна были лишь его внучка и реуб (глава войска, правая рука правителя) Ину-Бех. И именно этот чер-

нобородый воин со шрамами на лице сидел сейчас рядом с умирающим, выражая всей своей позой мрачное благолепие. Его глаза – пронзительные, словно острия кинжалов – скользнули по Альбизар с некоторой долей упрека. Но она старалась не смотреть на реуба.

– Кея-дулу! – причитала она. – Кея-дулу, не умирай! О великий Оудэ, не забирай душу моего дедушки!

Как ни старалась Альбизар, взгляд ее все время сталкивался с глазами Ину-Беха, следящими за ней с каким-то леденящим вниманием. И от этого девушке становилось неуютно.

– Зари-оянэ... – еле слышно прошелестел голос старика.

– Что, кея-дулу? – Она наклонилась к нему поближе.

Слова с трудом вырывались из горла умирающего архуна:

– Обещай мне... Что продолжишь наш род...

– Обещаю, кея-дулу!

– Что выйдешь замуж... За моего... реуба... за Ину-Беха...

– Дедушка, ты не умрешь...

– Обещай... тогда я уйду спокойно... – Голос старика затихал.

– Я обещаю, кея-дулу... – произнесла сквозь рыдания Альбизар.

Лицо архуна разгладилось – теперь на нем явственно читалось облегчение и умиротворение.

– Благословляю... вас... Пред Великим Оудэ...

Последние слова повисли в воздухе, словно нить паутины; грудь Ауз-Туглуна приподнялась последний раз – и душа его навсегда улетела в жемчужную обитель...

Глава VII. Старый князь Имаш замечает необычные способности своего сына. Беяна страдает по княжичу

Князь Имаш мерил шагами горницу. Он думал. В эти моменты никто не осмеливался беспокоить его, да и пусто было сейчас в тереме. С улицы доносились крики ребятишек, увлеченных веселой игрой. Стояла весенняя страда. С утра до ночи взрослые работали в поле, и потому, кроме ребятишек да стариков, в селении днем никого не оставалось.

С тех пор, как сын его вернулся из леса и принял Посвящение, прошло четыре года... Молодой княжич возмужал, превратившись в высокого и стройного, плечистого парня. Он так хорошо овладел боевым искусством, что в округе не было ему равных в ратном деле. Теперь старый князь не сомневался, что его сын сможет дать отпор любому врагу. Самому Имашу было уже пятьдесят девять лет и годы давали о себе знать – потому прошлой весной он объявил Ланко своим преемником; а это означало, что теперь именно его сын будет стоять во главе дружины и защищать поселение от врагов. Новость эту Пеяросль встретил радостью и ликованием, так как все любили молодого княжича. Но только один князь знал, что его сын не совсем обычный, так как с детства он приводил отца в замешательство своими вопросами и умозаключениями. Да только не говорил Имаш о том никому, боясь, как бы не сочли мальчика за юродивого. Крепко помнил он, что наказывала ему лесная ведунья... И потому не торопился он с ответами, желая, чтобы сын искал их самостоятельно, проникая в суть вещей своим пытливым умом.

Также не забывал старый князь о необыкновенных способностях своего отпрыска, которые так или иначе проявлялись в нем, заставляя видящих это замирать в изумлении. Стоило юноше выйти на улицу и, вытянув руку, тихонько свистнуть – как птицы слетались к нему, безбоязненно садились на руку; а он, смеясь, кормил их с ладони зерном. Пчелы и змеи не кусали его, а собаки замолкали при его приближении и начинали миролюбиво помахивать хвостами. Он всегда знал, какая будет погода и хороший ли родится урожай. Но охоте он никогда не промахивался и всегда возвращался с богатой добычей. Воистину был он любимцем богов, и люди почтительно шептались, что неспроста великий Род послал князю столь дивного наследника – и удалого, и пригожего, и разумного. Говорили они, что, видно, грядет напасть какая-то на земли венецкие, и суждено защищать их могучему богатырю – Ланизбору, сыну Имаша, князя Пеяросльского...

Но ныне все было спокойно на границах владений светловолосых венецков, и никакая опасность не угрожала богатым поселениям мирных земледельцев. С южных пределов, правда, доходили вести, что пошаливают там степняки – лихие гиуры. Но пока воинственных кочевников удавалось сдерживать, и они не решались на крупные грабежи, довольствуясь в основном тем, что захватывали людей и после вынуждали селян платить выкуп. Также воровали девиц, которые ценились у обитателей степей очень высоко. Их редко возвращали. Как правило, их быстро переправляли в далекие восточные кланы, или вовсе в чужие племена на юго-востоке, и о них больше никто ничего не слышал.

Князь Имаш вышел во двор и направился вглубь его – там, в самом дальнем углу, находилась просторная клетка, на совесть изготовленная кузнецом Авришем. В этом светлом и удобном жилище, в неге и ласке, в любви и заботе, жили два лесных зверя – две рыси, самец и самка. С тех пор, как Ланко принес их из леса – маленьких, чуть больше кошки – они превратились в великолепных грозных хищников, грациозных и опасных. Но опасны они были для кого угодно, но только не для обитателей княжьего терема. Имаш всей душой, дивясь самому себе, привязался к этим удивительным созданиям, и они дружно отвечали старику взаимностью...

И если всех остальных они только терпели, удостаивая лишь беглым и равнодушным взглядом, то князя они приветствовали громким мурлыканьем, сразу оживляясь при его появлении.

Вот и сейчас он зашел в клетку – и звери тут же принялись тереться о его ноги. Он гладил их и чесал за ушами, отчего хищники млели и принимались урчать еще громче.

Рысей звали Чуд и Мала. Так назвал их Ланко. Князю Имашу отчетливо вспомнилось, как в день Посвящения, придя из леса в родной дом, его сын поставил на лавку большую корзину, накрытую куском холста, наказав никому не трогать ее, сам он при этом ненадолго отлучился. Но князь решил полюбопытствовать, что же там находится... Когда он откинул край холста, то обомлел, замерев на месте и потеряв дар речи. Он ожидал чего угодно, но такое не мог даже себе представить. На него злобно и в то же время испуганно смотрели четыре круглых желтых глаза. Два диких звереныша жались в краю корзины, прижав уши и выгнув дугой спинки, шерсть на которых стояла дыбом. Рысята... Серые с пятнами, с кисточками на ушах... Они грозно рычали – и от этого низкого глухого звука князю стало не по себе. А звереныши то и дело принимались яростно шипеть, открывая свои розовые пасти, в которых уже отчетливо виднелись острые белые зубки... Князь смотрел на них как зачарованный, не в силах оторваться.

Когда наконец подошел княжич и увидел эту картину, то первое, что он сделал – погладил рысят, сказав им что-то ласковое. Те мигом успокоились, и теперь выражали лишь игривое миролюбие – лукаво посматривали они на князя, подергивая своими прелестными ушками. Имашу оставалось только дивиться такому невиданному чуду. Затем юноша сказал: «Погладь их, отец. Они не тронут. Я попросил их...» «Как это ты их попросил?» – изумившись таким словам, недоверчиво спросил князь. «Мысленно, отец, – смущенно ответил княжич, – это трудно объяснить... Но ты поверь мне – они ничего тебе не сделают и будут слушаться тебя так же, как и меня...»

И князь, отчего-то поддавшись уговорам сына, протянул руку и погладил рысят, которые теперь вели себя совершенно по-другому. Они были спокойны; более того, им, судя по всему, даже нравилось прикосновение руки к своим пушистым загривкам.

Тысячи вопросов тогда возникли в голове у князя. Но он вовремя сдержался, не желая смущать юношу, выведывая у него, что да почему. Понял князь, что вот оно – то, о чем говорила Вейница тогда, в тот день, когда родился его наследник долгожданный, чаянный. И промолчал он, словно все чудесное, что происходило на его глазах по воле его юного сына – самое обычное дело...

Это уже потом, исподволь, расспрашивал князь сына о том, как провел тот в лесу эти три седмицы. Но юношам не следовало рассказывать об этом. Тайнство должно было остаться тайной для других. Молчал и княжич, отделяваясь короткими ответами. Но все же через время, поразмыслив, догадался Имаш, что не обошлось здесь без бабки Вейницы. И мысленно ответил он старухе земной поклон – ведь это не иначе как она врачевала раны княжьего сына от рысских когтей – никому это боле не под силу...

Словом, все шло своим чередом, и князь Пеяросльский, старея, радовался, что сын его под покровительством великих сил, которые всегда помогут ему, что бы ни случилось...

* * *

Грустная песня летела над полем, над лесом; подхваченная ветром, она устремлялась в небеса – туда, где могли услышать ее небесные покровители. Пожалеть бы им девицу, утешить сердечко ее, но нет – не желали боги разжигать любовь в душе ее возлюбленного; не поддавался он чарам нежности и красоты. И звенел девичий голос тоской, любовью безответной; и примолкали птицы, и замирали травы, слушая печальную песню эту.

Четыре года ждала Беяна, что поддастся княжич влечению, ответит на чувства ее, утолит ее жар – и будут они счастливой парой на радость всем. Мечтала девушка, что поженятся они и детишек красивых нарожают, и будут жить до старости в мире да согласии. И потому ни с кем не убегала она в цветущие луга мять душистые травы, хоть и богатый был у нее выбор. А годы шли... Уж вышли замуж все ее подруги, но ясноглазая красавица все еще надеялась, что боги смилостивятся и откроют сердце ее возлюбленного навстречу ее трепетному сердечку...

Но нынче совсем она отчаялась. Поняла она, что не полюбит ее Ланко. К тому же старейшины уже неодобрительно посматривали на нее, так как пора было уж ей озаботиться созданием семьи.

И теперь, уединившись ото всех, размышляла девушка о своей печальной судьбе. Как ни старалась она, не могла изгнать из своего сердца любовь к молодому князю. Наоборот, любовь эта становилась все сильнее. Не решаясь подходить больше к возлюбленному своему, издалека следила она за его жизнью – и ничто больше не увлекало красавицу, душу которой почти дотла опустошило безответное чувство.

Было у Беяны одно драгоценное воспоминание – как в ту ночь, после Посвящения, увлекла она юношу в луга; как он обнимал ее, прижимал к себе – и шло от него тепло, дурманящее голову, заставляющее душу парить словно птица... Казалось, еще немного – и станут они парой; но что-то вмешалось в ход событий, разрушив все то, что могло бы быть между ними. Ланко упал тогда, споткнувшись о какой-то корень, и венки, что плела она своими руками, слетел с его головы. Это было плохой приметой и означало, что эти двое никогда не будут вместе. Так оно и вышло. Княжич тогда как-то резко изменился – веселая игривость сменилась в нем задумчивой серьезностью; он взял ее за руку и повел обратно, в селение. Ни слова он не сказал ей больше...

И с тех пор проявлял он к ней только приветливую доброжелательность – и не более. Немного утешало девушку то, что ни с кем не паровался юный княжич. Но прошло еще два года – и однажды надежды ее развеялись, словно пепел по ветру. А произошло это на осеннем празднике Урожая – в тот единственный день, когда принято сбрасывать с себя узду и неистовыми любовными игрищами пробуждать плодородие, питая живой энергией родящее чрево земли. Хороша была Беяна в тот день – босая, с распущенными волосами; ее тело прикрывали лишь плетеные из травы гирлянды. Вместе с другими голыми девицами водила она на поле хоровод, втайне надеясь, что заметит княжич ее красоту и увлечет с собой... Но не оправдался ее расчет – удалился Ланко в поле озимое с другой девицей, Яриной... И там, среди посевов, эти двое сполна отдали дань Матери-Земле. Потерянная, едва удерживая слезы, бежала Беяна прочь с этого поля; чьи-то руки хватили ее, тянули, но всякий раз ей удавалось вырваться. И убежала она в лес, и укрылась там, и долго стояла, обняв березку и рыдая, в то время как с полей доносились звуки страсти – селяне славил Землю-Матушку, совокупляясь прямо на поле, не особо разбирая, кто с кем...

А после все снова пошло как обычно, своим чередом – чинно и спокойно. Княжич с Яриной больше не встречался – осенние игрища редко приводили к чему-то серьезному. Но поселилась в сердце девушки горькая обида, которая отравляла все вокруг. И так ей порой невыносимо становилось, так тоскливо, что убегала она подальше, на самый дальний луг, и там изливала песней свое безответное чувство к красавцу-княжичу...

Вот и сегодня сидела она, прислонившись спиной к молодому дубку, и пела – звонко и протяжно, вода по своей щеке травинкой. Она воображала, что это нежные губы княжича касаются ее лица. Она смотрела на небо – и видела синь его глаз... Всюду находила она образ своего возлюбленного, и никакая сила не могла изгнать любовь из ее сердца, избавить от навяздения.

И не знала девушка, что из темной глубины леса внимательно наблюдает за ней пара глаз. Никогда эти черные раскосые глаза не видели еще такой красоты...

Человек, таившийся за кустами, быстро принял решение. Описав небольшую дугу по кромке леса, он бесшумно подкрался к молодой венедке. В последний момент она услышала шорох за спиной и вскочила, готовая бежать от неведомой опасности, но было поздно. Крепкие мускулистые руки схватили ее, зажали рот и поволокли в лес, где, привязанный к сосне, стоял рыжий жеребец. Там, связав напуганную до смерти девушку и заткнув ей рот, похититель перекинул ее поперек седла, и, лихо вскочив на коня, помчался прочь.

Глава VIII. Альбизар становится архуншей и решает принять посвящение в воины, чтобы избежать замужества и приобрести авторитет в своем клане. Ину-Бех готовит подлость, но Альбизар удается избежать опасности. Гиуры готовят набег на венецкие земли

Прошло два месяца с тех пор, как похоронили старого архуна. Клан пребывал в смятении. Впервые люди остались под фактическим управлением женщины – причем очень юной. Собственно, в этом возрасте гиурка считалась уже вполне взрослой, но лишь для того, чтобы вступать в брак. Руководить же целым стойбищем вряд ли было под силу столь молодой женщине. Ведь требовалось решать множество вопросов, заботиться о людях, и при этом сохранять духовное единство членов клана. И самое главное – правитель непременно должен был быть храбрым воином. Не проявив себя в бою, глава клана не мог завоевать авторитет – и, как правило, в результате заговоров и интриг такого правителя просто свергали. Но такое случалось редко. Обычно, принимая должность архуна по наследству, новый правитель уже имел за плечами определенный опыт, и, следовательно, репутацию. Собственно, ни один закон у гиуров не запрещал женщине получать подобный опыт, участвуя в сражениях и набегах. Но в действительности гиурки не особо стремились становиться воительницами, предпочитая надежный и спокойный тыл за спинами своих мужей.

Молодая архунша Альбизар до сей поры ничем не прославила свое имя. Да, она неплохо владела оружием и метко стреляла, но все же не было у нее случая применить свои навыки в настоящем сражении... Кроме того, она не могла считаться воином, не приняв Посвящение, добиться которого могли даже не все юноши. А уж девушка... Для гиуров это было просто невысказано. И потому все – от кыбашей (господа, знать) до рабов – ожидали вполне логичного разрешения ситуации, то есть свадьбы. Когда к власти придет мужчина, настоящий воин, под его твердой рукой можно будет вздохнуть спокойно.

Естественно, никто в клане не сомневался, что счастливым женихом молодой архунши станет Ину-Бех – ведь давно уже был он приближен и обласкан старым правителем. Да, старик по-своему позаботился о любимой внучке...

Альбизар пребывала в невеселых раздумьях. Ее гибкий ум пытался найти выход из положения. Обещание, данное дедушке перед смертью, связывало ее по рукам и ногам. Но кто знал о том обещании? Только она и Ину-Бех. Реуб наверняка прибережет эту информацию на крайний случай. А сейчас он не сомневается, что очень скоро возьмет власть в свои руки. Он уже поглядывает на нее по-хозяйски и гадко ухмыляется, будучи уверенным в том, что станет и ее господином, что будет она слушаться его как последняя рабыня... Альбизар знала то, что, возможно, не было известно ее дедушке – реуб отличался изощренной жестокостью. Юная архунша не раз слышала, как он избивал своих наложниц... С рабами он также обращался очень плохо, наказывая плетью за малейшую провинность. Конечно же, девушка не сомневалась, что и ее ожидает незавидная участь быть безмолвным, все сносящим приложением к своему мужу – грозному господину и суровому повелителю.

«Не бывать этому!» – решила Альбизар. Должен был пройти год после похорон дедушки, прежде чем можно было заводить официальный разговор о свадьбе. И за это год ей было необходимо завоевать у своего народа репутацию храброго воина и достойной правительницы...

* * *

После смерти Ауз-Туглуна прошел почти год... Все это время Альбизар училась военному ремеслу, премудростям которого ее учил Кыр-Баяз – довольно крепкий старик, в пору своей молодости участвовавший во многих походах, а ныне являвшийся ценным советчиком и инструктором во всем, что касалось боевого искусства. Он слегка хромал, но это не мешало ему быть хорошим учителем. Немаловажным было и то, что Кыр-Баяз по-отечески относился к молодой архунше. Три его сына погибли в сражениях, жена умерла, и жил он один, позволяя лишь двум преданным рабам прислуживать себе.

Многое освоила Альбизар под руководством сурового старика. Много тонкостей открыл ей Кыр-Баяз, научил тем уловкам и хитростям, которые надлежало знать всякому вступившему на нелегкий, полный риска, путь воина.

Ину-Бех все чаще стал попадаться на глаза Альбизар, напоминая о ее обещании, данном у смертного одра старого архуна.

– Поди прочь! – говорила молодая архунша. – Не оскверняй памяти дедушки своими наглými притязаниями, ведь год еще не прошел!

Но однажды Ину-Бех проявил неслыханную дерзость – он схватил ее за руку, когда она выходила из своего шатра, видимо, специально поджидал ее. Девушка задохнулась от возмущения. Никто не позволял себе так вести себя с правительницей.

– Не смей меня трогать, грязный пес! – воскликнула она, выдергивая свою руку. – Ты забываешься!

Ину-Бех сделал шаг назад и с усмешечкой произнес:

– Остался месяц! – он окинул молодую архуншу торжествующе-наглým взглядом прищуренных глаз. – Я решил, что не грех напомнить тебе о том, что скоро ты станешь моей. Так что прекрати заниматься глупостями – я знаю, что ты хочешь стать воином, но ты только тратишь зря время и усилия! Лучше готовилась бы к свадьбе...

– А что, ты не желаешь, чтобы я стала воином? – вызывающе ответила Альбизар. – Что, боишься, что у меня будет больше авторитета, чем у тебя?

– Глупая женщина! – засмеялся в ответ Ину-Бех. – Я уже много лет командую нашим войском – воины преданы мне как собаки! Я водил их в походы еще тогда, когда ты сосала грудь своей матери! Уж не думаешь ли ты, что они будут счастливы, узнав о твоих намерениях стать их военачальницей? Они только посмеются, потому что скорее степь разверзнет свои недра, чем женщина сравняется с мужчиной в уме, силе и ловкости... Да свидетель тому великий Оудэ... – он воздел руки к небу. – Так что не упирайся, красавица, никогда не станешь ты равной мужчинам! – усмехаясь, продолжил Ину-Бех, – твое нежное тело не выдержит отчаянной скачки и кровавых сражений, дух твой не вынесет вида разрубленных мертвых тел, и никогда твои мышцы не наберут ту силу, которая позволяет мужчине удерживать в руках тяжелый меч. Одумайся! Ты не знаешь, что такое бой, когда вокруг сверкают вражеские клинки и жизнь твоя висит на волоске... Не рискуй понапрасну – жаль будет, если столь дивный цветок сгинет из-за своего глупого упрямства... Доля твоя – быть женой храброго воина, властителя, покорителя племен, и предназначение твое – рожать детей и ублажать на ложе своего супруга... – и самодовольная улыбка растянула его губы, а глаза похотливо скользнули по Альбизар, словно раздевая ее.

Но девушка спокойно выдержала этот взгляд.

– Если я стану воином и приму посвящение, ты откажешься от своих притязаний? – спросила она.

Реуб смерил ее недобрым взглядом и усмехнулся.

– Глупая, упрямая женщина! Ты действительно думаешь, что сможешь стать воином и возглавить войско, отодвинув меня на второй план?

Несколько мгновений Ину-Бех сверлил ее глазами, а потом громко расхохотался.

– Неужели я недостаточно хорош для тебя, госпожа? – глумливо спросил он. – Мне интересно – а кто тогда будет твоим мужем, если не я?

– Пусть это тебя не заботит, реуб... – высокомерно ответила девушка. – Я жду ответа на свой вопрос...

– Изволь повторить свой вопрос, о блистательная госпожа... – издевательским тоном сказал Ину-Бех, но Альбизар благоразумно пропустила издевку мимо ушей.

– Повторяю: если я стану настоящим воином и приму посвящение, ты забудешь о моем обещании стать твоей женой? Я дала его не от чистого сердца – да простит меня великий Оудэ – я просто хотела, чтобы дедушка ушел с упокоенной душой...

Некоторое время Ину-Бех разглядывал Альбизар с задумчиво-насмешливым выражением.

Наконец он изрек:

– А ты не боишься гнева небес? – Он с напускным благоговением показал глазами вверх. – Ты готова нарушить священное обещание, которое дала умирающему Ауз-Туглуну? А ведь он успел благословить нас... Ты хочешь стать отступницей? Боги не простят тебя...

– Дедушка простит меня! – с жаром воскликнула Альбизар. – Он попросит богов не гневаться на меня. Дедушка хотел, чтоб я была счастливой. Но я не буду счастливой, если выйду за тебя, Ину-Бех! Да и ты тоже не захочешь брать в жены женщину, которая, согласно нашим древним обычаям, не будет твоей рабой, а станет с тобой в браке на равных, как один воин с другим воином. Так что ты мне ответишь?

Ину-Бех размышлял. Конечно же, ему нужна была послушная, безответная жена. Когда-то, в давние времена, о которых рассказывали старики, бывали такие случаи, что женщины становились воинами. Но даже тогда это было большой редкостью. До сих пор из уст в уста передавалась древняя легенда о грозной воительнице Муль-Газор, покорявшей племена и властвовавшей над Степью. Но теперь такое нельзя было себе даже представить. Наверное, у древних воительниц были мощные, мужеподобные тела... Хрупкая Альбизар не сможет достичь вершин в военном искусстве. Это исключено. Ей не стать воином. Глупышка Альбизар! Дерзкая, наивная, своенравная. Что ж, попытайся стать воином. Ничего у тебя не выйдет! Зато потом, когда соединят нас священные узы супружества, приятно будет выбить из тебя остатки дури... Ты женщина – и место твое у очага. Ты не смеешь перечить своему господину, ты будешь послушная и тихая...

Ину-Бех машинально прикоснулся к рукояти плетки, которую всегда носил с собой. Этой плеткой он любил повоспитывать тех, кто казался ему недостаточно учтивым. Но это касалось преимущественно его наложниц, слуг и рабов. С воинами он обращался сурово, но без лишней жестокости. И, по сути, он был неплохим военачальником. Но непомерная гордыня и алчность, которые он был не в силах обуздать, заставляли его постоянно стремиться к еще большей власти. В сладких мечтах он воображал, как, став архуном, подомнет под себя остальные роды и кланы и станет верховным правителем.

Поэтому во что бы то ни стало ему надо было жениться на Альбизар. Но дерзкая девчонка бросила ему вызов – и он не мог его не принять. Ему хотелось посрамить молодую архуншу. Тогда она никогда больше не станет возражать ему.

– Я согласен, – кивнул он. – Ровно через три месяца состоятся состязания среди тех юношей, которые считают, что готовы к тому, чтобы их посвятили в воины. И если ты их не пройдешь, мы тут же сыграем свадьбу. Если же справишься – то я больше не побеспокою тебя, и ты можешь выбрать себе в мужа другого мужчину. В этом случае никто не узнает о том обещании, которое ты дала Ауз-Туглуну перед его уходом в жемчужную обитель.

После этого разговора Альбизар удвоила свои усилия. Теперь она занималась с Кыр-Баязом днями напролет. Скачки с утра до вечера, стрельба из лука и рубка лозы сделались ее ежедневным занятием. Обладая от природы острым глазом и верной рукой, Альбизар сроднилась со своим конем, как будто он стал продолжением ее тела, и с каждым днем делала все новые успехи в нелегкой воинской науке. Она старалась хорошо запомнить советы своего наставника, каждый раз, ложась спать, мысленно повторяя то, чему тот ее научил. Ведь от результатов испытания, которое она пройдет через три месяца, будет зависеть ее свобода, и быть может, сама жизнь. Ведь если она не выдержит этого испытания, ей лучше будет перестать жить, чем выносить то, что приготовил для нее мстительный и злобный, как степной шакал, Ину-Бех.

* * *

Бежали дни. Все чаще в становище слышались шепотки о том, что их правительница, вместо того чтобы выйти замуж и вести благочестивую жизнь за спиной мудрого супруга, собирается принять посвящение в воины. Это было неслыханно, и люди просто не знали, как им реагировать на такие новости.

– Альбизар-муле (муле – госпожа, царица) готовится стать воином!

– Наша архунша решила сравняться с мужчинами!

– Она делает успехи! С ней занимается сам Кыр-Баяз!

– Зачем ей это? У нас много достойных мужчин, которые могли бы возглавить клан!

– Посмотрите на нее, с луком и саблей она похожа на безусого мальчика.

– Кхе, – говорил старый Кыр-Баяз, усаживаясь у костра, – не слушайте все эти бабьи пересуды. Никогда еще у меня не было столь способного и старательного ученика. У нашей юной архунши острый глаз, твердая рука, горячее сердце и холодная голова. Одинаково хорошо она мечет в цель стрелы и побеждает в игре шош-огол (шахматы), правила которой должен знать любой полководец.

В целом люди хорошо относились к Альбизар. Они уважали ее деда и отца, совершивших немало для родного клана. В общем-то, она имела полное право укрепить свои позиции. Статус воина дал бы ей огромные привилегии, но и ответственности прибавилось бы. Многие одобряли стремление архунши стать с мужчинами наравне; правда, эти люди старались не особо громко провозглашать свое мнение – ведь еще неизвестно, как все сложится, а наживать недоброжелателей в лице более-менее влиятельных мужчин никому не хотелось.

И только Ину-Бех все больше нервничал, слыша об успехах Альбизар. Он сам не раз тайком выезжал в степь вслед за архуншей и ее наставником, где, затаившись за каким-нибудь холмом, наблюдал, как ловко она управляет своим белым жеребцом, как метко стреляет из лука или поражает копьем набитое сухой травой чучело, изображающее вражеского воина. Его первоначальная самоуверенность стала уступать место сомнению. Что если девчонка и вправду пройдет весь нелегкий путь к посвящению? Тогда она будет не просто архуншей, но и предводительницей всех воинов, которые до сей поры подчинялись ей лишь формально, а на самом деле руководил ими он, Ину-Бех. Да ведь и ему она сможет тогда отдавать приказы! Все больше реуб приходил к мысли, что этого допустить никак нельзя. Еще никогда женщина не имела над ним власти. И вот теперь такая угроза появилась и обретает все более отчетливые очертания...

Долго размышлял Ину-Бех над тем, как помешать молодой архунше стать полноправной властительницей. Когда она пройдет посвящение, исправить что-то будет уже трудно. Конечно, этот этап важен – он сразу изменит ее статус; но чтобы завоевать настоящий авторитет у воинов (большинство из которых являются зрелыми мужчинами, прошедшими немало боев) необходимо участие в реальном сражении – и это второй, не менее важный этап, посвящение кро-

вью. Однако Ину-Бех, уже убедившийся, что архунша умна, рассудительна, сильна и отважна, справедливо предполагал, что она не спасует перед лицом настоящей опасности – и вот тогда-то он будет полностью повержен и посрамлен. Ведь, хоть об этом и не говорилось вслух, но все же именно он считался наиболее вероятным женихом для Альбизар...

* * *

Теплая и влажная июльская ночь распростерла над степью свои объятия – последняя ночь перед состязаниями. Тысячи звезд мерцали в черном небе; их повелительница Луна не вышла сегодня на небосклон, и потому земля была окутана мраком, в котором так удобно встречаться любовникам или злодеям вершить свои темные дела...

Долго не могла уснуть молодая архунша. Все ворочалась она на своей лежанке, думая о своей непростой доле и о том, что завтрашний день решит ее судьбу в ту или иную сторону. У нее все было готово к предстоящему событию, которое начнется с самым рассветом – тогда уже некогда будет что-то доделывать или исправлять.

За стенами шатра стрекотали цикады, время от времени всхрапывали лошади в стойле рядом с шатром. Едва шевеля губами, тихо молилась Альбизар Великому Оудэ, прося его ниспослать ей удачу и благословение в предстоящем деле. Взывала она и к духу своего любимого дедушки, и к духам родителей. И в какой-то момент показалось ей, что слышат они ее мольбы, незримо присутствуя здесь, рядом. Волна теплого воздуха пронеслась над ее головой – и ощутила Альбизар, будто дедушка ласково провел рукой по ее волосам, утешая и ободряя, как всегда он это делал. Вдруг представился он ей таким, каким видела она его в детстве – величественного, в полном облачении воина, сидящего верхом на могучем черном коне, в своем любимом седле, украшенном золотой вышивкой – седло это искусной работы Ауз-Туглуну подарил предводитель соседнего племени в знак дружбы и уважения еще в пору их молодости. Образ дедушки словно бы говорил Альбизар о том, чтобы она не волновалась. И только тогда смогла она наконец заснуть.

Двое стражников, не выпуская из рук оружие, спали у архунского шатра. Обычно сон их был чуток – от малейшего шороха они готовы были вскочить и поднять тревогу. Но сегодня, прежде чем заступить на дежурство, выпили они по миске кумыса, что принес им слуга Ину-Беха в качестве угощения от своего господина (от милости знатной особы нельзя было отказать) – и вскоре могучий сон сморил их, потому что подмешал реуб в кумыс сонное зелье.

И хоть спали стражники мертвым сном, все же тихи были шаги человека, крадущегося мимо них туда, где стоял Аричак, белый жеребец Альбизар. Вот злоумышленник подошел к коновязи, взял седло, которое лежало тут же. Конь заволновался. Начал фыркать он и нервно постукивать копытами. Человек торопился. Быстро вытащил он из-за пояса небольшой нож и аккуратно, со знанием дела, слегка подрезал подпруги на седле – у самой его нижней, соприкасающейся с конской спиной, части. Такое легкое повреждение трудно было заметить, почти невозможно, но при быстрой скачке надрез должен был увеличиться – это обычно приводило к тому, что седло соскальзывало со спины лошади, и при этом всадник мог упасть на полном скаку, рискуя сломать себе шею.

Но чуть замешкался слуга Ину-Беха возле жеребца, стараясь положить седло именно так, как оно лежало до этого. Конь, едва вынося присутствие чужака, волновался все больше. И вот, когда человек уже готов был покинуть стойло, Аричак вдруг поднялся на дыбы и ударил передней ногой не успевшего отскочить человека в лоб. У того помутилось в глазах; шипя проклятия и прижимая руку ко лбу, из которого текла кровь, он стремительно выскочил из-под навеса. После этого, воровато озираясь, слуга реуба поспешно удалился прочь.

* * *

– Косорукий сын гиены! – ругался Ину-Бех на своего незадачливого слугу. – Как ты мог допустить, что конь лягнул тебя? Наверное, ты слишком долго делал свое дело, неповоротливый старый пес!

– Виноват, мой господин... Простите меня, недостойного... – стоя на коленях перед реубом, лепетал слуга. Его подбородок трясся, он часто моргал. Лоб его был перевязан, глаза заплыли, и в целом он представлял собой жалкое зрелище.

Ину-Бех, только что размахивающий перед лицом напуганного человека сложенной плеткой, заставил себя успокоиться. Конечно же, реуб не собирался бить слугу, который все-таки выполнил его деликатное поручение. Он засунул свое оружие за пояс и произнес:

– Если только ты оставил там следы, накапав своей грязной кровью, нам обоим несдобровать – ты это понимаешь?

– Понимаю, мой господин... – закивал слуга.

– Ладно... Будем надеяться, что все пройдет гладко... – Что-что, а выдержки Ину-Беху было не занимать.

Он дал слуге несколько монет и, ворча себе под нос, ушел в свою юрту.

Но реубу не спалось в эту ночь. Его мучило беспокойство. Что если девчонка обнаружит надрезы на ремнях? Конечно же, подозрение падет именно на него. Она расскажет старейшинам об их уговоре – и тогда, даже если ему и удастся оправдаться и убедить людей, что он тут ни при чем, доверие будет подорвано.

Близится утро... Скоро станет понятно, удалась ли его проделка. Едва покажется первый луч, участники состязаний соберутся у Желтого Холма. Если на Аричаке будет другое седло – значит, все пропало, и для реуба грядут большие неприятности...

Ину-Бех кряхтел, ворочаясь с боку на бок. Он уже почти жалел о своем поступке. Это гордыня затмила его разум. Даже в страшном сне не могло ему привидеться, что женщина станет повелевать им. Может быть, стоило смириться? Ведь теперь Альбизар в опасности. Все-таки Ину-Беху хотелось лишь сломить гордую красавицу, но не убивать. В случае ее гибели архуном, скорее всего, выберут именно его, но он предпочел бы обойтись без жертв. Не зря же он столько лет лелеял свою мечту жениться на Альбизар! Законный брак с архуншей принес бы ему немало приятных минут... Он бы все припомнил дерзкой девчонке – и ее брезгливые взгляды, и ее высокомерие, и попытку стать наравне с мужчинами... Да, хоть реуб и не хотел себе в этом признаться, а все же его задевало отношение Альбизар к своей персоне. Ведь когда-то он пребывал в непоколебимой уверенности, что она сочтет за счастье стать женой такого видного, богатого и влиятельного мужчины, второго человека в клане. Потому-то он и не брал себе жену...

Но девчонка мало того что воротила нос – она решила посрамить его, возвыситься над ним. Получив посвящение в воины, она бы не остановилась – теперь Ину-Бех в этом не сомневался. Как и все остальные посвященные, она стала бы ходить в военные походы, участвовать в битвах... И ему пришлось бы быть лишь вторым человеком при ней, при женщине – слушаться ее приказов и распоряжений... Какое унижение! И это после того, как власть над кланом была почти в его руках... Старый архун давно прочил его в мужья своей внучке... Взял с нее слово и благословил их перед смертью... Но кто ж мог подумать, что эта дрянь презреет свое обещание и пренебрежет благословением деда? Видимо, до такой степени Ину-Бех был ей неприятен, что она решила сделать почти невозможное – стать воином...

Так что ему не оставалось ничего другого, кроме как послать слугу подрезать подпруги на седле Альбизар в расчете на то, что в пылу скачки она упадет со своего коня. Независимо от причины, это считалось проигрышем в состязаниях. Ину-Бех надеялся на то, что ловкая

девушка не сильно пострадает при этом – уж наверняка Кыр-Баяз научил ее тому, как правильно падать с лошади. Однако все могло кончиться и весьма плачевно – разумеется, для Альбизар...

Сон не шел. Так и проворочался реуб чуть ли не до утра, и лишь перед самым рассветом ему удалось немного вздремнуть. И снился Ину-Беху Ауз-Туглун, который угрожающе потрясал над своей головой каким-то невиданным черным копьём; вид его был суров и губы его шевелились, словно произносил он обличающую речь – но ни слова не смог расслышать Ину-Бех, как ни старался...

* * *

Альбизар проснулась с ощущением неясной тревоги. Она неподвижно лежала в течение нескольких минут, пытаясь вспомнить свой сон. Подробности стерлись, но одно она знала точно – во сне к ней приходил дедушка. Она видела его издалека, словно сквозь дымку тумана. С одной стороны, это было хорошим знаком – мертвым не следовало приближаться во сне к живым. Но девушка не могла понять главного – о чем тот хотел сообщить ей. Старик смотрел на нее, с беспокойством качая головой. При этом он что-то ей протягивал, но теперь Альбизар не могла вспомнить, что именно.

Девушка встала, умылась из кувшина. Служанка заплела ее волосы в две косы и уложила их в замысловатый узел – волосы не должны были мешать ей в сегодняшних состязаниях. Альбизар молча разделалась со скромной трапезой, от волнения не чувствуя вкуса еды. Затем она вышла из шатра и обратила лицо в ту сторону, где над горизонтом уже появилась светлая полоска молодой зари. В эти короткие минуты ей было важно ощутить свою связь с миром, заручиться поддержкой невидимых сущностей, что всегда присутствуют рядом с людьми, исподволь направляя их жизненный путь в нужную сторону.

Утренний воздух, напоенный ароматами степи, приятно охлаждал лицо девушки. Казалось, что занимающийся рассвет осторожно, по-братски, целует ее, стараясь ободрить и поддержать. Что принесет ей этот день? Что уготовил ей Великий Оудэ – властитель судеб и покровитель мира сего? Или она проиграет – и тогда быть ей до скончания века безответной рабой мужчины; или победит – в этом случае необъятные возможности открываются перед ней, станет она могучей и отважной воительницей, подобно легендарной Муль-Газор, которую уважали и побаивались все окрестные кланы и племена. Победить! Во что бы то ни стало – победить!

В стойле всхрапнул верный Аричак, почуяв свою хозяйку. Альбизар встрепенулась. Глубоко вздохнув, она огляделась вокруг. Двое стражников, сидевших поодаль, сонно протирали глаза и испуганно таращились на свою госпожу. Девушка нахмурилась.

– Что это значит? – грозно спросила она. – Вы спали на посту?

– Ээ... простите, светлейшая госпожа... – забормотали те, бледнея и стыдливо переглядываясь меж собой, – мы лишь чуть вздремнули...

– За это вы подвергнетесь наказанию – по пять ударов плетью, – сказала Альбизар.

– Воля ваша, светлейшая госпожа... – Мужчины смиренно опустили головы.

– Вечером. А сейчас идите...

Стражники удалились. Тревога Альбизар усилилась. Это было не просто волнение перед испытанием – нет, это было какое-то скребущее чувство, будто что-то идет не так. Предчувствие неведомой опасности...

Это ощущение усилилось, когда девушка зашла в стойло. Погруженная в свои размышления, она не заметила нескольких бурых пятен на земляном полу. Она подошла к своему жеребцу и приласкала его.

– Соскучился? Ты мой хороший... Надеюсь, ты хорошо отдохнул? Что ж, сегодня нам с тобой придется постараться... Ты же не подведешь меня, Аричак? Знаю – не подведешь... Ты мой самый верный друг... Мы победим, правда?

Конь поводит ушами, словно понимал каждое слово. На мгновение Альбизар показалось, что жеребец несколько возбужден – он как-то нервно встряхивал головой и раздувал ноздри, словно пытался сказать ей о чем-то. Но девушка постаралась выбросить эти мысли из головы.

Альбизар бережно взяла свое седло и подошла к Аричаку. Но конь отчего-то разволновался. Он стал бить копытом и фыркать, в то же время уворачиваясь из-под седла. Девушка нахмурилась, озадаченная тем, что до сей поры смирный жеребец вдруг закапризничал. Так она стояла, растерянная, с седлом в руках, пытаясь понять, что происходит с конем.

И в этот момент она вспомнила свой сон. Дедушка, протягивающий ей что-то, чего она никак не могла разглядеть... Да ведь это было седло! Да-да, то самое, любимое дедушкино седло с золотой вышивкой! Как только Альбизар это поняла, у нее на сердце стало легко и радостно. Словно она сбросила с себя тяжкий груз опасений и страха. Теперь она знала, что нужно делать. Дедушкино седло принесет ей удачу!

Она кликнула слугу и велела принести седло Ауз-Туглуна, которым никто не пользовался с тех пор, как старик покинул этот мир.

* * *

Утро заливало степь ярким светом, суля прекрасный безоблачный день. Солнце, бодро выкатившееся из-за горизонта, щедро рассыпало по земле свои лучи, даря каждому свое ласковое тепло. Гиуры выходили из своих юрт; нарядные и радостные, в предвкушении волнующего зрелища, они стягивались к восточной стороне становища.

Ину-Бех во все глаза смотрел на Альбизар, которая, в полном боевом облачении, верхом на своем верном жеребце, составляла ряд молодых людей, готовых принять участие в состязаниях на звание воина. Их было пятьдесят человек, но далеко не все будут посвящены сегодня.

«Неужели?!» – реуб еле удерживал себя от желания проморгаться. Кровь отхлынула от его лица, когда он окончательно убедился, что зрение его не подвело и на Аричаке действительно другое седло – не то, которым архунша обычно пользовалась.

«Все пропало... – обреченно думал Ину-Бех, судорожно сглатывая в предчувствии грядущих неприятностей, стараясь, однако, сохранить при этом важный и невозмутимый вид. – О горе мне! Она заметила! Неуклюжий мерзавец все-таки наследил в конюшне...»

Реуб, чувствуя, как холодок бежит по его спине, ожидал закономерного развития событий. Вот сейчас седобородые старейшины незаметно переглянутся между собой, после чего один из них приблизится к нему в сопровождении двух дюжих воинов. Затем ему тактично дадут понять, что он под подозрением и посоветуют вести себя спокойно до конца состязаний. С этого момента он будет под пристальным наблюдением, а когда все закончится, состоится небольшое расследование. Слуга, конечно же, испугается и, скорее всего, выдаст своего господина...

Реуба охватило жестокое сожаление о том поступке, который он совершил в надежде, что его не уличат – нет, скорее, это было даже не сожаление, а досада. «Если меня осудят, это конец... – с мрачным фатализмом размышлял он, – но не просто конец, это позор! Проклятая девчонка, из-за нее меня попутал айтар (черт, бес)... Теперь вряд ли удастся выкрутиться...»

Однако ничего не происходило – никто не торопился подходить к нему. В его сторону почти и не глядели; люди не отводили глаз с тех, что являлись героями сегодняшнего дня, и особенное внимание привлекала сама предводительница, что решила нарушить привычные устои. Тогда Ину-Бех решил, что, вероятно, Альбизар еще не успела рассказать старейшинам о своих подозрениях. Промашка с ее стороны... Ведь за время состязаний он вполне мог бы

скрыться, чтобы избежать позорной участи быть обвиненным в покушении на жизнь архунши. Но не таков был Ину-Бех; он не собирался убежать подобно трусливому шакалу, не убедившись прежде в своих выводах. Он давно приучил себя не принимать скоропалительных решений. Сначала было необходимо как можно точнее оценить обстановку.

Ину-Бех, соблюдая ледяное спокойствие, внимательно вглядывался в лицо Альбизар. Девчонка слишком молода и неопытна, чтобы он не мог по его выражению догадаться о ее мыслях и планах. Вот она скользнула по нему взглядом, неприязнь слегка искривила ее губы; и она тут же отвела глаза. Но этого ее беглого взгляда было достаточно для того, чтобы реуба охватило радостное удивление. **ОНА НИЧЕГО НЕ ОБНАРУЖИЛА!**

Медленно напряжение отпускало Ину-Бега. Все его существо охватывала волна ликования – невероятно, но ему удалось выйти сухим из воды! Несомненно, Альбизар ничего не знает о подрезанных подпругах... Пьянящее чувство освобождения от грозившей беды заставило реуба широко улыбнуться.

Но почему же на ее жеребце другое седло? Так-так, а седло-то знакомое... Богатое, тонкой работы – второго такого нет в становище. Седло Ауз-Туглуна!

Ину-Бех моментально все понял. «Без сомнения, девчонка решила, что дедовское седло поможет ей пройти испытания... – подумал он. – Вот и разгадка. А я-то уж было подумал, что для меня настал позорный конец...»

Теперь он решил просто смотреть, как будут проходить состязания, лелея тайную надежду, что Альбизар в чем-то оплошает.

Но вскоре он убедился, что надежда эта была напрасной... Все испытания молодая архунша прошла безупречно, и даже намного лучше юношей, из которых пятнадцать человек выбыло, не справившись с трудными заданиями. Через год большинство из них может попытаться пройти эти испытания еще раз, ибо три попытки даются юноше-гиуру для того, чтобы он мог обрести статус воина. Если же все три оказываются истраченными, а испытание остается не пройденным, то остаток своей жизни гиур проводит в статусе слуги, не имеющего права прикасаться к боевому оружию. Девушка, если она хочет обрести статус воительницы, должна пройти испытание с первого раза, и не позже, чем ей исполнится восемнадцатая весна.

Состязания закончились, когда солнце перевалило за полдень. Прошедшие испытания будущие воины выстроились шеренгой, держа под уздцы своих коней. Честь вручать победителям награды, по традиции, была предоставлена реубу – главному воину и начальнику всех воинов, второму по значимости человеку в клане.

Когда смолкли ликующие крики, которыми чествовали победителей, Ину-Бех, который заблаговременно спешился, принял из рук старейшин тридцать пять поясов – по количеству посвященных. Такие пояса, изготовленные из кожи, расшитые бусинами, украшенные цветными узорами и замысловатым плетением, являлись отличительным знаком воина. Их изготавливали лучшие мастерицы заранее, индивидуально для каждого претендента на посвящение. На них изображались символы рода и разные оберегающие знаки, и потерять такой пояс считалось несмыслаемым позором.

Натянув на лицо маску доброжелательности, реуб, как того требовали традиции, в первую очередь подошел к молодой архунше. Хороша она была сейчас, в упоении своей победой – глаза ее блестели радостью, щеки разругались. Кровь прилила к ее губам – и они краснели подобно маковым лепесткам, слегка приоткрытые в улыбке. Девушка уже сняла свой шлем – и теперь завитки ее волос, выбившиеся из прически, трепетали на ветру, непроизвольно привлекая взгляд Ину-Бега. Это было так женственно, что буквально завораживало его. Он стоял рядом с ней, чувствуя запах ее разгоряченного тела, и злился на себя за то, что хочет обладать ею... Непроизвольно в его голове возникали картинки, как он грубо хватает ее и валит на ложе... Ее волосы рассыпаются по покрывалу; он наматывает их на руку, причиняя ей боль...

Она стонет, в глазах у нее слезы и испуг, она дрожит и называет его своим господином, прося пощадить ее...

Ину-Бех с большим трудом заставил себя не думать об этом. Что толку! Никогда она не станет теперь его женой, разве что благодаря какому-нибудь чуду. Вон как смотрит она на него – торжествующе, дерзко и чуть насмешливо... и эта неприязнь в ее глазах, от которой он всегда впадал в тихое бешенство... В эту минуту он вдруг забыл, что только что чудом избежал больших неприятностей, и остро пожалел, что его проделка с седлом не удалась. «Лучше бы она сломала себе шею! – подумал он со злой обидой отвергнутого жениха, – ее бы быстро забыли, а я бы стал предводителем клана...»

С такими мыслями, соблюдая, однако, на своем лице торжественность и благолепие, он завязывал на Альбизар пояс воина. Прикасаясь к ее телу, он чувствовал, как его руки начинают дрожать. Желание, которое ему не удавалось до конца подавить, туманило его мозг, и он прикладывал нечеловеческие усилия для того, чтобы никто ничего не заподозрил. Вот завязал тесемки на поясе и, не удержавшись, взглянул в глаза молодой архунши. За секунду между этими двумя произошел безмолвный разговор, которого больше никто не понял.

«Ну что? Теперь ты убедился, что я не хуже мужчин?» – говорил ее насмешливо-торжествующий взгляд.

«Да, но ты все равно остаешься женщиной... Сейчас тебе повезло, но когда-нибудь ты дашь слабину, и в тот момент закончится весь твой хрупкий авторитет...» – отвечал его взгляд.

«Главное, что ты отвяжешься от меня!»

«Ничего, жизнь полна неожиданностей, и никогда не стоит ни от чего зарекаться...» – Ину-Бех постарался вложить в свой взгляд побольше насмешки.

Затем он перешел к следующему воину, а к Альбизар стали подходить уважаемые люди клана и поздравлять ее. Все же для большинства стало неожиданностью, что архунша получила посвящение. И, хоть этого и не показывали явно, но многие воины (из старшинства) не были довольны таким исходом. Так же, как и Ину-Бех, они считали унижением для себя иметь женщину-командира, пусть пока и формально. Но кто знает – вдруг Альбизар и вправду достигнет высот в воинском искусстве и превзойдет их всех? Поэтому они были слегка обеспокоены. Все же они предпочли бы, чтобы все оставалось по-прежнему. Ину-Бех устраивал их как военачальник, пользуясь в среде своих подчиненных непререкаемым авторитетом.

Последним к Альбизар подошел Кыр-Баяз. Старик произнес краткую поздравительную речь, после чего торжественно протянул ей свой подарок. Когда девушка увидела, что это, она была поражена – нужно было заслужить от учителя особое отношение, чтобы получить столь щедрый дар. На руках Кыр-Баяза, в сверкающих ножнах, возлежал его боевой кинжал, с рукоятью, оплетенной тонкими кожаными ремешками, сделанный из такой хорошей стали, какую не умели выплавлять сами гиуры. Подобное оружие заморские купцы привозили с далекого юга, и стоит оно обычно целое состояние. Этот кинжал был такой острый, что мог оставить зарубку на гиурском мече. В то же время он мог пополам рассечь шелковый платок, просто брошенный на его лезвие. Удар этого кинжала, нанесенный верной и сильной рукой, был способен пробить любую кольчугу и любой панцирь, и ценнее его мог быть только меч из той же самой стали.

– Прими мой подарок, Альбизар-муле... – сказал старик. – Этот кинжал когда-то подарил мне мой учитель, что делился со мной секретами боевого искусства... Он сказал, что это оружие сделал великий мастер из далекой страны Джиой, и нет второго такого на просторах всей Великой Степи. Ты станешь отличным воином, Альбизар-муле, и когда я уйду в жемчужную обитель, мне будет отрадно знать, что этот кинжал в твоих руках... Я желаю тебе быть мудрой правительницей и всегда помнить о том, что на тебе возлежит забота о нашем народе... Что процветание нашего клана и единство его членов – превыше всего... Да пусть не покидает тебя мудрость, Альбизар-муле, и да благословит тебя Великий Оудэ...

Альбизар с благоговением приняла дорогой подарок – бережно взяла она кинжал из рук Кыр-Баяза; камни на навершии рукояти сверкнули, словно приветствуя новую хозяйку.

Старик сложил ладони и прижал их к груди, склонив голову.

– Благодарю тебя, учитель... – произнесла девушка, кланяясь в ответ.

Сердце ее учащенно билось. У нее захватывало дух при мысли о том, какая ответственность теперь лежит на ее плечах. Но она сама выбрала этот путь – путь свободы... Только теперь она вдруг окончательно поняла, что придется ей весьма нелегко. Но обратной дороги не было. Теперь – только вверх... От нее потребуются постоянные усилия по поддержанию своего авторитета. Справится ли она? Как бы Ину-Бех не затеял интриги...

Вдруг ей показалось, что речь, только что произнесенная Кыр-баязом, таит в себе нечто большее, чем просто соответствующие случаю поздравления. И даже смотрел он на не так, будто у него есть что добавить к своим словам, но только наедине. Девушка решила, что непременно побеседует с ним позже... Впрочем, поглощенная заботами, очень скоро она забыла о своем намерении.

* * *

Шло время. Постепенно Альбизар привыкала к мысли о том, что теперь на ее плечах лежит нелегкий груз и что прежняя беззаботная жизнь ушла в прошлое. Быть равной мужчинам! Это оказалось совсем не так просто, как казалось ей раньше. Теперь она должна была учиться руководить воинами – взрослыми мужчинами. Интуитивно она чувствовала, что те противятся ее власти, пусть и не показывают этого явно. Да, ведь у них уже был военачальник, к которому они привыкли – Ину-Бех. Хороший воин всегда следует мыслью за своим командиром, с которым пройдено много боев – и с этим ничего нельзя было поделать. И молодая архунша пребывала в постоянном беспокойстве, хоть и старалась скрыть это. Воины вели себя почтительно с ней, но все же их потаенные мысли читались вполне отчетливо – они не желали видеть ее своей командиршей. Теперь малейшая промашка с ее стороны могла сильно уронить ее авторитет и вызвать смуту в клане. Девушка чувствовала себя так, словно денно и нощно за ней наблюдают тысячи глаз.

Глубоко в душе Альбизар вовсе не ощущала себя великой воительницей – такой, как Муль-Газор. Да, архунша была отважна и решительна, но ей казалось, что в ней нет главного – готовности умереть в бою. Мысль о смерти страшила ее. Непроизвольно она вздрагивала всякий раз, стоило ей представить, как холодный клинок пронзает ее грудь, как вместе с кровью вытекает из нее жизнь, которой она даже не успела толком насладиться...

Но в то же время она понимала, что, не стань она воином, ее ждала бы более печальная участь, чем быть убитой в сражении. И это немного утешало ее. А еще она стала задумываться о том, что дедушка называл «продолжением рода». Это подразумевало рождение ребенка, а для этого необходимо было выйти замуж, что сулило новые сложности. И главной проблемой являлось то, что молодая архунша ни на ком не могла остановить свой взгляд. Гиурские женщины обычно не особо заморачивались выбором жениха, покоряясь выбору родителей. Но ее родители умерли, а самой Альбизар хотелось, чтобы ее будущий муж, по крайней мере, был привлекателен для нее, чтобы ложиться с ним на общее ложе не было мучением. Однако никто из мужчин клана не нравился ей настолько, чтобы выбрать его в мужа. Но рано или поздно придется сделать выбор, иначе ее древняя династия прервется и к власти придет другой род. А если она погибнет в бою, будучи еще достаточно молодой и не оставив при этом потомства, то наиболее вероятно, что это будет род Ину-Беха. «Этого допустить никак нельзя! – думала Альбизар всякий раз перед сном, когда ее одолевали тяжелые думы. – Но что же мне делать? Если даже я выберу достойного мужчину в своем клане, проклятый реуб не простит мне этого. Как бы он не вздумал погубить моих детей, когда они у меня родятся...»

Эти думы неотступно преследовали ее. Ину-Бех, с которым ей приходилось сталкиваться ежедневно, конечно же, не мог не замечать ее беспокойства. Но он никак не выдавал своих чувств, и лишь иногда в его черных глазах девушке удавалось уловить огонек злорадства.

Вообще, с тех пор, как архунша приняла посвящение, он несколько отстранился от нее. Деловито, с внешним почтением и соблюдением подходящих правил этикета, он входил в ее покои с докладами, внимательно выслушивал ее распоряжения, стараясь не встречаться с ней взглядом. Его наглость и самоуверенность куда-то улетучились, внешне все было вполне благообразно, но теперь исходила от этого человека некая трудноуловимая угроза, затаенная до поры. Альбизар понимала, что он может быть опасен. И потому старалась вести себя так, чтобы никто не мог упрекнуть ее хоть в чем-то. Малейший пустяк – и у реуба появится повод, чтобы затеять интриги против архунши. Альбизар казалось, что она идет по лезвию меча. Ее хрупкое благополучие во многом зависело от этого человека.

Помимо старого Кыр-Баяза, у Альбизар был еще один человек, которому она могла доверять полностью – ее служанка по имени Аюрдану, которая была при ней уже много лет. Эта смуглая женщина двадцати трех лет была ловка и расторопна, а также обладала ценным качеством – умением молчать в тех случаях, в которых другие не отказывали себе в удовольствии посплетничать. Беспрекословно она выполняла приказы своей госпожи, и ни разу еще у той не появился повод для недовольства ею. Альбизар была очень привязана к своей служанке и искренне любила ее. Скорее Аюрдану была ее подругой, наперсницей, советчицей и помощницей, чем служанкой. Ни разу плеть госпожи не гуляла по ее спине, чего нельзя было сказать о другой прислуге. Да, порой архунша обходилась со слугами и рабами довольно круто; впрочем, без особых излишеств, сурово наказывая лишь за явную нерадивость и длинный язык. Впрочем, те, кто выказывал госпоже недостаточно почтения, тоже рисковали отведать ее плетки – а наказать она могла практически любого.

Также ей, как предводительнице клана, принадлежало право судить, карать и миловать. И она старалась быть справедливой, в чем вполне преуспела, так как врожденный ум и смелкалка помогали ей отличать правду от лжи, а искренность от лицемерия. К ней приходили с различными спорами, и почти всегда ей удавалось разрешить дело ко всеобщему удовлетворению. И росла ее популярность у народа, и говорили о ней с любовью, как о мудрой и великодушной правительнице.

Однако, прекрасно справляясь с внутренними делами клана, Альбизар мало что понимала во внешних. Перспективы войн с соседними племенами и набегов на лежащие к северозападу поселения оседлых народов не захватывали молодую архуншу так, как захватывали они мужчин. Ей хотелось мирно править своим народом с мудростью и благочестием, вкладывая в это дело всю свою душу. Но, увы – особенности быта кочевников диктовали свои правила. Она знала, что когда-нибудь и ей предстоит по-настоящему применить то, чему учил ее Кыр-Баяз. Альбизар спрашивала у своего престарелого учителя, зачем гиурам идти в набег на людей, которые им не сделали ничего дурного, и узнала, что если бы гиуры не ходили в набеги, они были бы беднее полевых мышей. Продавая овечью шерсть, грубый войлок и бараньи шкуры, больших богатств не наживешь. Даже оружие – изогнутые мечи и наконечники стрел и копий – гиурские кузнецы изготавливали из слитков металла, произведенных за пределами их земель.

Для того, чтобы получить это железо, хлопчатые и шелковые ткани, крепкие сукна и прочее, что невозможно сделать в кочевьях, приходится расплачиваться звонкими кружочками желтого металла. Именно из-за него гиуры ходят в набеги, ведь, чтобы заполучить этот проклятый металл, нужно напасть на поселения оседлых, разгромить их ополчение и дружины князей, и захватить грады, в которых нужно взять богатую добычу, в первую очередь живой полон – умелых мастеров и красивых девиц, после чего на торге с заморскими купцами обменять все это на то, что нужно клану. Иначе никак.

* * *

Настала осень, минула зима, и буйная весна пришла в степь, накрыв землю зеленым ковром. Многочисленные отары вышли в луга, отъедаясь на свежей траве.

Однажды Ину-Бех пришел к Альбизар и, многозначительно глядя в глаза, сообщил, что клан изрядно поиздержался, а посему пришло время совершить набег на венедские поселения с целью пополнить казну. В этом предприятии собираются участвовать и остальные кланы – то есть это как раз и будет Большое Нашествие.

– Готовь войско! – коротко бросила архунша.

– Э нет, госпожа, мы не будем нападать в ближайшее время... – ухмыльнувшись, произнес реуб. – Сейчас весна... Ярфы (так гиуры называли венедов) пока возделывают свою землю, потом будут сеять, потом возвращать свой урожай; будут они работать на полях своих, не поднимая головы. И лишь по осени придет для них пора собирать плоды трудов своих. И снова будут они трудиться, набивая зерном амбары. И вот тогда-то – когда они не смогут бросить собранный урожай, без которого их будет ждать голодная смерть – тогда-то и настанет правильное время для набега. Несметная гиурская рать налетит на их земли, сомнет их оборону и завладеет их имуществом, чтобы после благоденствовать в Степи, оставив своих врагов на пепелище их надежд...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.